

**ТАТА
АЛАТОВА**

НЕИСПРАВНАЯ АННА

18+

Тата Алатова

Неисправная Анна Том 1

«Автор»

2026

Алатова Т.

Неисправная Анна Том 1 / Т. Алатова — «Автор», 2026

Петербург 1890 года: паровые механизмы и тайные приюты. Она – механик с каторгой за плечами. А он следит за каждым ее шагом. Тягучий роман в стенах уголовного сыска.***Это первый том единой истории без промежуточного финала. Второй том выложен полностью, история завершена.

© Алатова Т., 2026

© Автор, 2026

Тата Алатова

Неисправная Анна Том 1

ГЛАВА 01

— Я вернусь и уничтожу вас, — сказала она тогда.

— Уничтожите, — легко согласился Архаров. — Но для этого вам надо вернуться.

Всю дорогу Анна крутит и крутит этот разговор в голове, как и долгих восемь лет прежде. Она почти не видит мелькающих за вагонными стеклами станций, не смотрит на людей — их слишком много вокруг. Такие громкие, такие яркие.

Закреть глаза — страшно, открыть — слепит.

Чем ближе к столице, тем публика приличнее. Нет больше бородатых одичалых мужиков и грубых злобных баб, сплошь зонтики и картонки, и все подряд нынче носят полоску, и мир почти не изменился, но всё же, всё же...

У нее лишь потрепанная холщовая сумка, в которой болтаются помятая кружка, смена застиранного белья и пачка неотправленных писем. Первое время Анна строчила как сумасшедшая — Ванечке-Ване, блистательному Ивану Раевскому, а потом апатия взяла свое, и писать расхотелось. Некуда и некому отправлять эти наполненные тоской страницы.

В кармане старого байкового пальто — отпускное свидетельство с печатью Отдельного корпуса жандармов, где крупными буквами выведено: «КАТОРГУ ОТБЫЛА».

Кажется: всё сон. Проснешься, а ты снова посреди льдов и бесконечной полярной ночи, и старик Игнатич скрипит за стеной, а биение сердца заменяет ритмичный стук главного распределительного клапана. Ровно шестьдесят ударов в минуту — они отмеряли ими дни, недели, годы.

Анна вздрагивает и запрещает себе вспоминать. Станция «Крайняя Северная» осталась далеко позади, она уплыла от нее в трюме с бочками и ящиками, и льдины царапали обшивку маленького дежурного судна. Она уезжает от него на паровозе — третий класс, жесткая деревянная лавка, клубы угольного дыма и горький чай. Очень хочется сахара — ложки три, не меньше, но Анна только смотрит на заплесанный пол перед собой и не позволяет себе тратить последние медяки.

Она почти вернулась. Осталось — уничтожить.

Столица встречает неласково, холодным ветром и изморосью дождя. Анне некуда больше идти, не к отцу же, в самом деле, отрекшемуся от нее на суде. Но бродить под дождем — слишком жалко, и она спешно листает улицы, неосознанно стремясь туда, где когда-то была так счастлива.

Это бьет наотмашь, в самую грудь: дом всё такой же нарядный, сияет огнями. Анна смотрит, не веря глазам, а за шторами двигаются люди, и кажется, вот-вот Раевский выйдет на балкон с неизменным фужером игристого, перебрасываясь с насмешницей Софьей остроумными замечаниями. Ольга, угрюмая как обычно, явится следом — она всегда таскалась за Ванечкой по пятам, как преданная собачонка.

Все они собачонки. Три соратницы. Три наперсницы. Три соперницы.

Так сложно удержать себя от ненужного, так легко взбежать по ступеням и заколотить в эти двери: пустите, здесь я еще была жива! Здесь я еще была...

Анна сглатывает сухую горечь, с трудом отводит жадный взгляд от окон — уже чужих, там смеются новые люди. И вздрагивает крупно, потрясенно: на самом углу, где будка сапожника вечность стояла и столько же простоит, нарисована лихая закорючка, тайный знак, только

их с Ванечкой Раевским символ любви. Никто не знал об этом бессмысленном на первый взгляд росчерке — то ли птица, а то ли рука сорвалась. И стрелка, конечно стрелка, ведущая за будку, в тихий переулок, где так удобно назначать неприметные встречи.

Ноги не слушаются, но Анна всё равно как-то идет: шаг, другой... Раевский здесь, в столице? Он ждет ее? Ищет? Но как? Откуда? Анна своими ушами слышала: пожизненное на Урале, поселок Степной... Она потом спрашивала у Игнатъича, есть ли там степи. «Как не быть», — отвечал старик, но он со всем соглашался, не любил ее огорчать.

И вот — явное послание. Только от Ванечки. Только для Анны. Ведь больше никто не знает про эту особенную закорючку, которой Раевский обыкновенно завершал свои записки — и любовные, и по делу, а чаще вперемешку. Слова нежности у него безмятежно чередовались с приказами, всегда так было.

Анна помнит этот проулок: о те кусты шиповника порвала кружево на юбке, а в тени этого дуба они с Ванечкой однажды упоенно целовались, не добравшись совсем чуть-чуть до его дома.

О шиповник она и теперь укалывает пальцы, нарочно так делает: было же? Правда было? Не приснилось случайно? Капля кажется бледной и чахлой, будто и кровь у нее теперь жидкая, усталая.

— Анна Владимировна, вы вовремя, — звучит равнодушный голос из тени дуба.

Он стоит, небрежно прислонившись к дереву, — неприметный человечек, на первый взгляд самый обыкновенный, неопасный, но Анна точно видит, что он собой представляет. Отчаяние падает тяжестью ледяной глыбы: нет, росчерк не Ванечкин. Чудес не бывает.

— Ведите, господин филер, — говорит она устало, — куда вам там приказано меня доставить?

К счастью, не в жандармерию. Она всё еще помнит долгие часы допросов, жалостливые взгляды сыскарей: ну надо же, такая молодая, такая красивая барышня, а уже, считай, покойница. Мало кто выживает на каторге, мало кому так везет, как Анне.

Теперь бы они смотрели иначе, безо всякой участливости.

Вслед за филером Анна поднимается по мокрым ступенькам. Внутри казенно, безлико, будто не человек тут живет, а учреждение расположено. Она так замерзла, проголодалась, устала, что и сама не совсем человек — всего лишь пустая оболочка, едва-едва перебирающая ногами. Кажется: наставь кто дуло в грудь, пойдет прямо на пулю, без разницы. И ненависть, годами сжигающая ее сердце, унялась, опала бессильно, притихла.

Как нестати, отстраненно думает Анна, когда видит человека, к которому ее приводят.

Сейчас бы собраться пружиной, выстрелить ему в лицо всей накопленной яростью, когда-то казалось — она его задушит голыми руками, справится даже полумертвой, но на деле стоит неподвижно, сотрясаясь от крупной дрожи.

Он поднимает голову от бумаг, и его лицо, расплывшееся за ее мокрыми ресницами, в первое мгновение кажется растерянным, а потом она моргает и видит яснее: хмурится.

— Анна Владимировна, — говорит сухо, будто она оторвала его от важных дел, а не явилась тут под конвоем. — Прошу.

И скупым жестом указывает на стул перед столом. Тот выглядит жутко неудобным, но Анна не из капризных. Роняет на пол свой полупустой баул, неловко наклоняется и молча, без спроса, крутит латунную ручку паромеханической буржуйки, добавляя тепла.

Жар опалает лицо, она блаженно зажмуривается на несколько секунд, а потом пристраивает свое тело-оболочку на стул.

— Вась, попроси нам чая, — мягко говорит хозяин дома филеру, — и сушки там у Надежды должны быть, а то и пряники.

С тихим стуком дверь затворяется.

Анна смотрит в упор: Архарову к лицу прошедшие восемь лет. Из милого юноши он превратился в породистого мужчину, и ей даже хочется выпрямить плечи и поднять подбородок — но к чему всё это.

Они оба молчат, и негромко тикают ходики, и дождь стучит по стеклу, и память, дурацкая память подкрадывается на мягких лапах. Кажется, будто запах антикварной лавки — металла и пыли — царапает горло.

Анна приходила в «Серебряную старину» по вечерам, когда улицы уже густились синим сумраком. Опустив веки, она легко, безо всякого усилия, воссоздает в своей голове негромкий, многоголосый перезвон десятков часов на полках. Каждые тикают в своем ритме, создавая сложный, убаюкивающий беспорядок. Иногда один из механизмов вдруг сбивается и отчаянно щелкает маятником, или срывается бой, и глухой, медный звук проплывает по комнате. Молодой антиквар Сашенька Басков что-то пишет в толстом гроссбухе, и его перо скрипит по бумаге. Легкий шелест и звон издает сама Анна, перебирая крохотные детали, откладывая нужные. Щелкает отвертка о латунь, скрипит надфиль по металлу, и дождь, всё тот же дождь стучит по стеклу. Дождливая тогда выдалась осень.

Антиквара нашла Софья, которая знала всех и каждого в Петербурге. Именно она как-то провела, что принципиальный старик Басков умер, а его наследник платит щедро и не задает лишних вопросов. У Раевского всегда было множество вещиц, которые нужно было сплавить по-тихому, и он крайне заинтересовался «Серебряной стариной». Если бы они тогда только знали, что шагают прямо в расставленную столичными сыскарями ловушку!

Анна ежится от болезненных сожалений и торопливо, стряхивая с себя паутину ошибок, оглядывается по сторонам.

— Немного же вы нажили, Александр Дмитриевич, — замечает бесцветно. — Что же, поимка группы Раевского не принесла вам ни повышения, ни славы?

Он тоже, будто впервые тут, осматривает собственный кабинет и качает головой.

— Вся слава досталась вам, — разводит руками с деланным простодушием, но она уже знает, как ловко он притворяется.

А шумиха и правда вышла знатная: еще бы, три девушки из хороших семей помогли обаятельному проходимцу грабить инкассаторов и взламывать сейфы. Уже на суде Анна узнала, что были на счету их группы и убийства, но ее, простого механика, на такие дела не брали.

Она слушала всё это как во сне, отчаянно мечтая проснуться.

Спустя восемь лет всё еще мечтает.

В комнату входит удивительная красавица с полным подносом, на котором — и исходящий паром чайник, и пряники, и даже розетки с вареньем. Анна сглатывает постыдно обильную слюну и бессильно сплетает ладони, сохраняя мелкодрожную неподвижность. Однако ее хватает ненадолго, и, как только красавица ставит поднос прямо на стол, аккуратно пристроив его среди бумаг, голод перестает быть привычным ноющим фоном. Накатывает властно и беспощадно, острой резью в желудке, дрожью рук, губ.

Ложечка звенит о стекло, когда Анна торопливо добавляет сахар в кружку, невыносимо густым кипятком обваривает горло, и жгучая боль в пищеводе вдруг расходится волнами наслаждения. Ее почти тошнит от забытого сладкого вкуса, и вместе со спазмами накатывают силы. Она вгрызается зубами в печенье, подмечая и многозначительный взгляд красавицы, обращенный к своему — хозяину? любовнику? И как Архаров торопливо отворачивается, будто не в силах смотреть на то, как низко опустил его гостя, как жадно хватается печенье с нарядных блюдец. Что, господин сыщик, неужели тоже вспоминаете прежнюю Анечку, беспечную и пылкую? Ту самую Анечку, с которой молодой наследник антиквара вел задушевные беседы о мечтах и смыслах?

Она щетинится мрачным злорадством. Отчего же вы не любуетесь, Александр Дмитриевич, плодами рук своих?

— Я принесу еще чаю, — говорит красавица и исчезает за дверью. Анна выгребает остатки варенья из розетки и блаженно жмурится, облизывая губы и стряхивая крошки. На станции «Крайняя Северная» их кормили довольно однообразно, в основном привозили жестяные банки с тушенкой, прогорклые крупы, дешевую муку да квашеную капусту в бочках. Из этого скудного набора Игнатьич пытался изобразить что-то съедобное, а Анне было всё равно.

Дав себе несколько секунд тупого сытого молчания, она с трудом шевелит губами:

— Разве я не должна отмечаться у околоточного надзирателя? Отчего же вы лично утруждаетесь, Александр Дмитриевич?

— Ну что вы, это разве хлопоты, — рассеянно отвечает он, всё еще явно думая о чем-то другом.

Она отправила прошение о возвращении в Петербург два года назад, и всё это время бумажонка болталась по неведомым кабинетам, так что Анна уже уверилась, что курьер на ездовых собаках попросту потерял ее. Таким, как она, бывшим каторжникам, предписывалось жить в закрытых поселениях или отдаленных губерниях, а о столице даже не думать. Но по какой-то причине на этот раз государственная машина проявила милость — разрешение пришло за несколько недель до того дня, когда ей предстояло покинуть станцию «Крайняя Северная».

И ненависть вспыхнула с новой силой: она всё же сможет добраться до Архарова!

И вот он, сидит перед ней — упорно таращится в окно, будто в жизни до этого не видел дождя. А она развлекает саму себя вопросом: будь прямо при ней оружие, воспользовалась бы им или нет? Представляет себе, как это породистое лицо превращается в кровавое месиво, и не испытывает даже крошечной искры удовольствия. Нет, не убийство. Мечта Анны проста и приятна: отправить Архарова за решетку. Пусть на своей шкуре испытает, каково это. Он ведь ничем не лучше нее, просто у них разные убеждения.

— Анна Владимировна, — тишина разбивается о спокойный голос человека, который не подозревает, что в чужом воображении его мозги минуту назад оказались размазанными по стенке, — что вы собираетесь делать дальше?

— Вам-то какое дело? Я обязана отвечать? Так велит закон?

Все ее довольно шаткие планы — это адрес жены Игнатьича и письмо для нее же, если, конечно, старушка всё еще жива. А если нет, то совершенно непонятно, в какой канаве придется ночевать. Вероятный ответ — в любой.

Архаров разводит руками, демонстрируя дружелюбие.

— Если вдруг вам совершенно нечем заняться, — ровно говорит он и прячет насмешку так глубоко, что она остается только в словах, но никак не отражается в интонации, — то позвольте предложить вам работу.

Анна отчаянно соображает: она сошла с ума? Ослышалась? Или у нее начался горячий бред?

— Кажется, у вас есть кому принести чай, — отвечает она едко, но на самом деле растерянно. — А для других услуг, уж простите, я теперь не очень-то гожусь.

По крайней мере, пока на ее костях не нарастет хоть немного мяса, а волосы не перестанут выпадать из-за вечного холода и однообразной пищи. Не то чтобы Анна не рассматривала для себя карьеру падшей женщины, но отражение в зеркале подсказывало: спрос выйдет невелик. Она, конечно, изрядно отстала от моды, но изможденные скелеты, надо думать, всё еще не в чести у развратников.

— Помилуйте, Анна Владимировна, — Архаров даже не притворяется смущенным, на его службе стыдливость быстро испаряется, — на свою кухню и в свою постель я поднадзорных не пускаю.

Ей хватает самообладания не дернуться от такого определения. А вроде привыкла, давно привыкла, еще во время допросов поняла, что она не барышня больше, а арестантка, с которой можно не церемониться. И всё же одно дело — чужие, совсем другое — Архаров. Он ведь должен помнить, какой она была прежде, он ведь понимает, что от него — всё больнее.

— Так что тогда? — Она так хорошо притворяется безразличной, что и сама себе верит.

— Я предлагаю вам должность младшего механика в своем отделе.

— В каком отделе? — не сразу понимает Анна, а потом ее будто ледяной водой окатывает: — В полицейском отделе?

— Я получил для вас специальное разрешение, — объясняет он, — как для особо ценного специалиста...

Смех вырывается из обожженного горла вместе с хрипом. Анна встает, ничего не отвечая, и идет к выходу. Тело кажется непривычно тяжелым, она задевает плечом какой-то шкаф, и дверь по-прежнему слишком далеко, и чтобы доползти до своей канавы, надо так много сил.

Она уже почти достигает порога, когда вдогонку прилетает:

— А я думал, вам небезразлична судьба Раевского.

Как хлыстом ошпаривает спину. Анна дышит, и дышит, и не может надышаться. Слепо разворачивается и возвращается к своему стулу.

Ей всё еще смешно: опостылая механика, которую она ненавидит едва ли не сильнее, чем Архарова, снова настигает ее. И дурно, и удушливо, и страшно. Столько чувств разом, и все мучительные.

— Что с Иваном? — бессильно спрашивает Анна и слышит, как наяву, щелчок захлопнувшегося капкана.

ГЛАВА 02

С Раевским они встретились в салоне князя Левина, пожилого эстета и увлеченного коллекционера. Анне едва-едва исполнилось двадцать лет, она задыхалась от наставлений отца, бесконечной учебы и предопределенного будущего. В тот вечер ей особенно хотелось стать кем-то другим, не единственной преемницей заводчика Аристова, официального поставщика императорского двора.

К Левину ее притащила беззаботная и веселая Софья Ланская, которая знала весь Петербург и была вхожа во все гостиные. Она обещала знакомство с интересным инженером-диссидентом, чем пробудила в Анне искреннее любопытство. До тех пор она была знакома только со скучными, одержимыми эффективностью шестеренчатых приводов компаньонами отца и многочисленными учителями, виртуозами механики.

Каково же было ее разочарование, когда диссидент оказался шупленьким мальчишкой, заявившим, что механизмы нужны для развлечения, а не для пользы. В качестве доказательства он предъявил на удивление сложный и бессмысленный «Стиходей» — небольшой настольный автоматон в виде античного поэта с лирой. Латунный писец выводил на бумаге нелепые фразы, порожденные банальной комбинаторикой: «О, задумчивый хрусталь печальных роз...» или «В лазурном скрипе замерли мотыльки...».

Анну так рассердило это дурацкое изобретение, что она немедленно разнесла его в пух и прах, нисколько не стесняясь в выражениях. Все вокруг онемело от изумления, когда в потрясенной тишине раздались аплодисменты.

— Bravo, — произнес смеющийся незнакомец, и как-то сразу стало понятно, что он смеется не над Анной, а вместе с ней над «Стиходеем». Он выступил из глубины комнаты, оставившись на границе света и тени и немедленно приковав к себе всеобщие взгляды, — единственный живой человек среди автоматонов.

Тогда лакированные корпуса со стеклянными взглядами появлялись повсюду. В кондитерских механические торговцы на пружинах раз за разом бросали леденцы в бумажные кулечки. На перронах медные фигуры в ливреях с застывшими улыбками бесстрастно компостировали билеты. Даже в церковных лавках деревянные монахи с тикающими сердцами отстукивали костяными пальцами цену на свечи.

Пока еще все эти механизмы не заменяли людей в сложном труде, но вытравляли из жизни самое простое: улыбки, короткие приветствия, перебранки и шутки. И каждый раз Анне хотелось взять в руки молоток и разнести их в пыль.

Ванечка Раевский дал ей такой молоток.

Анна и сейчас легко может нарисовать его портрет в своем воображении: лукавый прищур теплых ореховых глаз, открытая улыбка и каштановый завиток, падающий на высокий лоб...

Она смотрит на Архарова, и каким же блеклым он ей кажется! То ли дело Раевский, который говорил такие блистательные речи. О том, что мир принадлежит только людям и никакие механизмы не могут отбирать у них работу. О душе и свободе, о праве на ошибки и творчество. Он выступал голосом всех, кто не мог за себя постоять, и Анна неизменно слушала его с замиранием сердца.

На суде Раевский тоже проявил чудеса красноречия. Он заверял, что боролся не с железом, но с системой, которая превращает живого, дышащего человека в придаток к машине. Засилье механизмов — это не прогресс, это новое рабство, прикрытое блеском шестеренок...

Анну так поразили стойкость, страстность и смелость Раевского, что собственный приговор она слушала почти равнодушно.

Прошлое так и кружит вокруг нее, пока она ждет ответа Архарова. Тот не то чтобы медлит, но и не торопится. Аккуратно делает глоток чая и сообщает:

— Раевский здесь, в Петербурге.

— Как? — выдыхает она, и сердце срывается в бешеный перестук, заглушая все звуки вокруг. Она тут же пугается, что не услышит ответа, и дышит открытым ртом, будто это может унять грохот крови в ушах.

— Содержится в императорской тюрьме для особо опасных преступников.

— Как? — снова повторяет она, будто один из глупых автоматов. — Разве его не этапировали на Урал?..

— Где он пригнулся писарем при плавильном заводике. Ваш Раевский умеет хорошо устроиться даже на каторге, завидная черта! Правда, он так и не научился скромной жизни — пытался бежать, да неудачно. Отходили плетью и перевели сюда, — он морщится с явным отвращением.

Жив! Жив! — вот и всё, что она понимает сначала. Спустя восемь лет — всё еще жив. Ей-то повезло, станция «Крайняя Северная» по сравнению с другими каторгами просто курорт. Никаких конвоиров, других каторжан, драк за еду, насилия и жестокости. Только линзы, вращательные механизмы прожекторов, паровые приводы, гидроакустические трубы, резонаторы да безобидный старичок Игнатич.

Того, что видела Анна, двигаясь по этапу, оказалось достаточно, чтобы живо вообразить себе остальное и преисполниться ужаса.

— Императорская тюрьма? В Петропавловской крепости? — переспрашивает она испуганно. Об этом месте ходят такие пугающие слухи! Туда же была отправлена и Ольга, правая рука Раевского. Она происходила из мощной купеческой семьи старообрядцев, отвечала за

охрану и безопасность их группы и, как выяснилось на суде, не чуралась убийств. Угрюмая, некрасивая и молчаливая, Ольга всегда пользовалась особым доверием Раевского. И вот теперь они оба в одной крепости! И пусть между ними стены и охрана, камень и решетки, но подобная близость всё равно может принести утешение.

— В одиночке, — кивает Архаров. — Условия, между нами, куда страшнее, чем в поселке Степной. И чего ему там не сиделось?

Анна мотает головой от чужой глупости: и правда не понимает? Где ему, псу государеву, только и умеет, что выслуживаться да вынюхивать.

— Я хочу его видеть, — выпаливает она — и по насмешливо вздернутой брови понимает, как нелепа ее просьба. Однако Архаров не отвечает резким отказом, ждет, пока его красавица, вернувшаяся с горячим чайником и новым печеньем, уберет пустые чашки и выйдет.

— Пожалуй что и увидите, — говорит он после затянувшейся паузы.

И Анна понимает: этим обещанием он приковывает ее крепче, чем кандалами. Теперь она выполнит всё, что от нее потребуется. Но ей плевать, плевать — если ради Раевского придется забраться в банку с пауками, так тому и быть. И тут же находит в этом унижении и выгоду, ведь у нее появляется шанс подобраться к Архарову ближе. Работа в полиции? Пусть. Всё лучше, чем улица. Опять механика? Ладно. Именно она обеспечила ей спокойную жизнь на станции, а не в общем бараке среди грязи, вшей и самых грубых проявлений человеческой натуры.

Останься у нее хотя бы последняя капля гордости, она бы встала и ушла отсюда. Но Анна остается сидеть. Снова берется за чашку, снова сыплет туда много сахара.

— Мне нужны доказательства, что вы меня не обманываете, — говорит она. — Кто знает, может, Раевский давно сгинул на каторге, а вы мне тут сказки рассказываете.

— Зачем бы мне? — удивляется Архаров.

— Иначе инженера моего уровня в вашу контору не затащить, — пожимает она плечами. — Спорим, платите вы меньше, чем заводчики?

Не пытается набить себе цену, а точно знает ее. Отец дрессировал ее с раннего детства. Вместо кукол — коробки с шестеренками разного калибра, которые она должна была на ощупь, с закрытыми глазами, сортировать по размеру и количеству зубцов. Вместо танцев и рисования — часы, проведенные в душных цехах, где гудел паровой молот и воздух был густ от запаха машинного масла и раскаленного металла. Вместо сказок и романов — толстые фолианты с чертежами прецизионных механизмов. Отец заставлял ее разбирать и собирать ходики с крошечными пружинками, которые впивались в подушечки пальцев, покрывали их царапинами и мозолями. Даже во сне перед Анной выстраивались бесконечные ряды цилиндров и маховиков, движущихся с безжалостной, мертвой точностью.

И пусть за восемь лет мир изрядно шагнул вперед, но ведь основы остались прежними.

— Символ на будке сапожника, — после короткого колебания поясняет Архаров. — Кажется, это тайный знак вашей любви.

И такая гадливая ирония сквозит в его словах, что Анна мысленно уговаривает себя потерпеть. Однажды этот двуличный человечиска обо всём пожалеет.

Она уверена: восемь лет назад во время допросов Раевский не сказал ни одного лишнего слова, он не из тех людей, кто предаёт своих. Скорее всего, ворох деталей вывалила Софья Ланская, беспечная и вздорная барышня. Дочка дипломата и какой-то француженки, она росла в Париже, и скучный темный Петербург, куда перевели ее отца, томил эту кокетку. Предательство Софьи подтверждал и ее необычайно мягкий приговор: всего-то четыре года ссылки в безопасной глуши.

— С чего бы Ивану открывать вам этот символ? — не сдается Анна, твердо намеренная ни за что не верить Архарову.

— Вы были запасным вариантом, — он откидывается на спинку стула, и в его взгляде появляется что-то откровенно сочувственное. — Когда Раевского доставили в крепость после плетей, состояние его было, мягко говоря, плачевным. К тому же простуда, истощение. Тюремный врач прописал хину, но, знаете, казенные лекарства... — он делает легкий, презрительный жест рукой, — едва ли способны поднять на ноги. В общем, ваш Раевский был настолько слаб, что... нарисовал знак для Ланской, умолял меня передать ей. Вы же понимаете, что у каждой был свой уникальный символ? У Софьи, у Ольги, у вас.

Анна медленно пьет чай. Софья, конечно. Только она уже на свободе, только она способна помочь.

— И что же дальше?

— Ланская давно покинула страну, — хмыкает Архаров, — о чем я и уведомил вашего Раевского. Тогда он решил, что и Анечка годится тоже... Если сможет вернуться в Петербург, то ни за что не бросит его в беде.

— Если жива, если вернусь, если не брошу... — она резко ставит чашку на стол. — Как много «если» для такого расчетливого ума. А вы что же, всех, кого посадили, навещаете?

— Не удержался от любопытства, — он улыбается, снисходительный к собственным слабостям.

Анна стискивает зубы и обещает себе: она посадит его за взятки. Устроит Архарову такое мерзкое будущее, что оно навсегда сотрет эту улыбку с невыразительной физиономии.

— Значит, вы передаете лекарства Ивану, — говорит она с нажимом, — а я поступаю на службу в полицию. Смешно, право слово, неужели нынче так туго с механиками?

Архаров меняется в одну секунду, его лицо озаряется одержимостью.

— Мне нужны лучшие! — восклицает он азартно. — Анна Владимировна, это Специальный технический отдел — экспериментальное подразделение сысской полиции Петербурга. Он создан для борьбы с новой преступностью и занимается раскрытием уголовных преступлений, в которых используются или являются мишенью сложные механизмы. Всё по вашему профилю, как видите.

Она снова смеется, бедное обожженное горло снова скрипит и першит:

— За этот профиль мне восемь лет дали.

— Просто прекрасно! — бессовестно радуется он. — Кто поймет преступника лучше другого преступника? Держите, — он достает из кармана несколько аккуратных купюр и кладет на стол, — купите себе приличной одежды. Жду вас послезавтра на Офицерской улице... Думается мне, вы помните это здание.

Анна видела его изнутри, а не снаружи, но не позволяет себе вспоминать. Не мигая, рассматривает купюры.

— Купить приличной одежды, — повторяет она. — Может, еще и вшей прикажете вывести?

Архаров невольно отшатывается, и она цепко хватается за деньги, довольно ухмыляется.

Он же быстро берет себя в руки, провожает исчезнувший в ее торбе задаток одобрительным взглядом, а потом небрежно чиркает на клочке бумаги адрес, рисует залихватскую подпись:

— Это ночлежный дом...

— Для сотрудников или поднадзорных? — не удерживается она от искреннего любопытства, ибо теперь является и тем, и другим. На секунду становится интересно, какие же силы Архаров задействовал, чтобы получить для нее дозволение на работу.

— Казенная ночлежка для низших чинов, — и по его гримасе сразу становится понятно, что учреждение это гадкое и бедное. — Там живут курьеры, писари, младшие техники, а также другие... эм... полезные поднадзорные. Будьте всегда начеку, Анна Владимировна, публика сия далека от приличности.

— Выживу как-нибудь, — только от мысли о том, что скоро она получит собственную койку, Анну разбирает зевота. Сегодня она сыта, от тепла ее совсем разморило. Даже если вокруг будут храпеть душегубы и проститутки, ей не будет до них никакого дела.

Анна не очень хорошо знает здешние улицы, но уже слишком поздно, чтобы обращаться к прохожим. К счастью, дождь закончился, и свет газовых фонарей в лужах кажется ей добрым знаком, будто крупные светлячки мерцают под ее ногами.

По дороге она представляет себе, что подумал бы отец, узнай, где нынче обитает его непутевая дочь, и вновь нервный смех разбирает ее до нутра.

С помощью наития и полустертых воспоминаний Анна всё же добирается до Медного переулкa, и крупная облезлая вывеска бросается в глаза: «Казенный ночлежный дом № 7 для низших чинов».

Это трехэтажный дом, когда-то наверняка бывший доходным. Желтоватая штукатурка местами осыпалась, обнажила кирпичную кладку, словно проступающие ребра. Окна грязные, но нет ни одного разбитого стекла — казенный порядок всё же господствует над ветхостью. С парадного входа давно исчезли кованые завитушки, и теперь его украшает лишь усталая тетка с папироской.

— Новенькая? — спрашивает она, в один мимолетный взгляд оценив убогость тощей оборванки, стыдное пальто и пустую торбу. — Дуй к Потапычу, слева по коридору.

Анна тянет на себя тяжелую скрипучую дверь. Кажется, будто ее то и дело срывают с петель, и растрескавшееся дерево осыпается старой краской. В нос бьет запах банных веников, пережаренного растительного масла, пыли и едкой махорки.

Ночлежка гудит, как растревоженный улей. Это приглушенный гам, сотканный из множества источников: надсадный кашель за одной из стен, скрип шагов, спор из-за карточной игры, звон посуды, чей-то монотонный, унылый напев. Из-за двери коменданта доносится храп.

Анна стучит в закрытую дверь, потом стучит еще раз, потом колотит ногами. Толстый заспанный усач открывает рывком, смотрит осоловело и грозно. Она сует ему под нос бумажку с адресом, а главное — с подписью.

Усач отступает в крохотную комнатенку, заставленную полками с папками. Анна остается на пороге, прямо под прицелом сурового взгляда государя с выцветшего портрета. Комендант смотрит на подпись в лупу, на просвет и разве что на зуб не пробует, потом долго листает разбухший журнал, сообщает коротко:

— Секция шестнадцать.

— А ключ? — хмурится Анна.

— Не полагается, — он громко захлопывает журнал, а потом, вытеснив за порог, и дверь у нее перед носом.

Анна с упрямым видом перехватывает торбу. Ну ничего, эту ночь как-нибудь, а завтра она непременно разживется оружием. Если не полагается ключ, значит, нужен нож.

Ей достаются шикарные апартаменты — отдельный угол с собственным окном. За хлипкой перегородкой живут, двигаются и дышат другие люди.

Из мебели — железная кровать с колючим одеялом и комковатой подушкой, пропахшей табаком. Колченогий табурет, полка, раковина, таз, три крюка в стене, заменяющие шкаф.

Анна открывает окно, впуская внутрь сырость и свежесть. Наскоро умывается, сбрасывает башмаки, опускает ноги в таз с прохладной водой и несколько минут сидит неподвижно, пытаясь осмыслить события этого дня.

Она добралась до Петербурга, обрела работу и собственную кровать — всё пустяки.

Главное: Иван Раевский жив, Иван Раевский здесь. А значит, она делает всё возможное, чтобы он обрел свободу.

ГЛАВА 03

Анна спит и не спит одновременно, слышит всё, что происходит вокруг: скрипы и шорохи, бормотания и ругательства. Она восемь лет провела среди механизмов, и оказаться среди людей страшно. Ведь они такие сложные, такие непредсказуемые — кто знает, на что способны?

И все-таки она спит, потому что ей снится Софья. В светлом платье, украшенном рубашами, она смеется, обнажая ровные белые зубы. Красивая, пронизательная, умная.

— Почему ты так доверяешь ей? — однажды спросила Анна у Раевского.

— А почему нет? — легкомысленно улыбнулся он, застегивая манжеты. Рубашка на нем всё еще оставалась распахнутой, и были видны гладкая грудь, плоский живот. Анна чувствовала себя обиженной из-за того, что он так быстро выбрался из ее объятий и уже одевается, и она, раздосадованная, нарочно не спешила встать с постели, выставив из-под одеяла голое колено.

— Пока ей весело, Софья от нас никуда не денется, — пояснил Иван. — А веселье я ей обеспечу.

Он часто выглядел расслабленно-безмятежным, но Анна уже давно догадалась, что это лишь маска. На деле Иван Раевский был недоверчивым до крайности, проверяя и перепроверя всех вокруг и временами устраивая испытания даже для самых близких ему людей.

— Уж куда веселее, — со вздохом пробормотала она.

Анна всегда завидовала храбрости Софьи. Та обожала находиться в центре внимания, ее никогда не смущали сомнительные комплименты и возмутительные намеки. Задачи, которые перед ней ставил Раевский, Софья неизменно принимала с насмешливым азартом и с упоением создавала многоходовые комбинации. Нужно ли было раздобыть информацию или подбросить ложную, раздуть слухи, выведать чужие секреты, организовать «случайную» встречу, затеять скандал или очаровать скучного клерка — всё это неизменно исполнялось легко и творчески.

Софья прожигала жизнь в водовороте светского разгула, чтобы потом принести сведения о мертвых зонах охраны, распорядке дня жертвы, планировке помещений, слабостях хозяев и прислуги, а также о графиках и маршрутах.

Анна, большую часть времени корпевшая над механизмами, неизменно удивлялась тому, как эта живая и взбалмошная девица умудряется вытягивать из людей самое сокровенное.

— Не беспокойся о Софье, — нежно проговорил Раевский, склоняясь, чтобы поцеловать голую коленку Анны, — я хорошо ее контролирую.

Она проглатывает слезы и просыпается. Серое утро заглядывает в узкое окно шестнадцатой секции.

Значит, Софья уехала из страны. Наверное, снова воркует в светских салонах, смеясь и кокетничая. Думает ли она о тех людях, которых оставила?

Молчаливой тенью Анна покидает ночлежку и бродит по улицам, на ходу жуя пирожок с капустой, заново знакомится с родным городом.

Кажется, будто ничего не изменилось, но только на первый взгляд. Некогда яркие автоматы поблекли, новые совсем другие — уже не притворяются людьми, та мода ушла в прошлое. Теперь это просто функциональные механизмы, чья отделка не блестит лакированной латуной, а будто напоказ выпячивает строгие панели. «Да, я железяка! — кричат они. — И не пытаюсь быть чем-то иным!»

— Интересно, — бормочет Анна, разглядывая их. Ей хочется раздобыть отвертку и как следует покопаться во внутренностях, но это еще успеется.

Она сворачивает к зданию банка, вспоминая, как в одну теплую ночь вошла в его подвалы вслед за Ольгой и как легко обошла все охранные системы — еще бы! Схема висела в отцовском кабинете, он консультировал этот проект...

Раевский ее заверил, что охранников в здании совсем не осталось, и Анна поверила. Она и пришла-то сюда, чтобы доказать уязвимость механической безопасности, чтобы убедить всех вокруг: ни одно изобретение, даже самое изощренное, не может быть лучше людей.

На суде выяснилось, что охранники в этом банке всё же работали.

Она бредет вдоль стены, легко касаясь пальцами кирпичей. Останавливается у автомата-разменника. Позолоченные завитки потускнели, дерево пошло трещинами. Он уродлив и прекрасен в своей сложности.

Анна рассеянно скользит взглядом по замочной щели, оценивает толщину стальной дверцы, мысленно вскрывает корпус и находит там главный заводной барабан, слабую пружину предохранителя, ту самую, которая так легко ломается при любой перегрузке...

Как просто, думает она, на всё про всё — меньше трех минут. Нужен лишь перочинный нож или что-то типа того.

Совсем немного усилий, и замок щелкнет, автомат доверчиво распахнет свое чрево с аккуратными пачками новеньких кредитных билетов.

Хмыкнув, Анна идет дальше. Этот город просто полон денег, которые слишком легко забрать. Но они ее и в прежние времена не особенно интересовали. Раевский говорил, что для борьбы нужны средства, — пусть так. Однако нападения на инкассаторские повозки всегда казались Анне чрезмерными.

На архаровскую подачку она покупает подержанное, но добротное платье и нижнее белье. На пальто уже не остается — ну и ладно, пока есть заботы куда важнее.

Вывеска «Народные бани купца Сидорова» слепит нездоровой жизнерадостностью. Шука плещется в тазике с мыльной пеной, и это так странно, что Анна несколько минут таращится на нее во все глаза.

Она отдает пятнадцать копеек за входной билет и оказывается в предбаннике, где воздух уже теплый и влажный, но еще не раскаленный. Покупает у дородной торговки кружку холодного кваса и жадно пьет, едва не плача от давно забытого вкуса. У стены, свесив босые ноги, три молодые горничные в одинаковых ситцевых сорочках перешептываются и лопают вареную картошку. Из-за перегородки доносятся размеренные шлепки веника и веселые звонкие ойканья.

Анна быстро раздевается, не глядя по сторонам спешит в парильню и забирается на самую верхнюю полку, туда, где жар опалает кожу. Ей так хочется вытравить из себя север, что она готова зажариться тут заживо. Кажется, что прошлое, как голодная псина, в любую минуту готово накинуться на нее и сожрать с потрохами.

Она лежит, простоволосая, расхристанная, с закрытыми глазами и прислушивается к мимолетным чужим разговорам.

«А Васька-то каков пройдоха...»

«Уйду я от барыни, пусть сама себе космы расчесывает...»

«Брюхата Маруська, точно тебе говорю...»

Люди.

Вот к чему привыкнуть сложнее всего.

Их так много вокруг.

Анна пытается представить, кто будет окружать ее на работе, но в памяти лишь те гадкие рожи, что часами допрашивали ее. Всё никак не могли понять, чего же дочке Аристова в жизни-то не хватало...

Она не очень верит, но немножко все-таки верит: это отец за нее заступился, похлопотал, чтобы ее отправили на станцию «Крайняя Северная». Не могло же так повезти случайно? Анна не из тех, кому везет.

И тут же безжалостная память приносит слова, которые она так мечтает забыть:

— Ваша честь, я здесь не как отец, а как верный слуга Его Императорского Величества и инженер, посвятивший жизнь прогрессу Империи. В моем доме воспитывали не преступницу. Я дал своей дочери всё: знания, положение, цель. Она же предпочла знания эти обратить против отечества, поэтому я от нее отрекаюсь. И требую для Анны справедливого и сурового наказания, которое положено государственной преступнице...

Она вскакивает так резко, что кружится голова. Спускается вниз, льет на себя горячую воду, натирается мочалкой и мылом, вымывая ненужное, больное, страшное. Больше никаких слез, обещает себе иступленно.

Хочешь выжить — никогда не смотри назад.

Новое платье царапает шею. Старое покоится в холщовой сумке, надо бы постирать, починить. Анна смотрит на себя в витринах: как худа, как дурна!

Ей больше нечего делать на этих улицах. Подойти к родному дому — это как ранить себя самолично. Отправиться на Заячий остров? Так ведь всё равно к Петропавловской крепости не подступишься, а и найдешь кого спросить, там ли содержится Иван Раевский, — не получишь ответа.

И вместо дома, где когда-то жил Игнатъич, теперь едальня. Померла, стало быть, бедная старушка.

Анна долго стоит на мосту канала, глядя в темные воды. Принимает и отвергает свою незначительность, бесполезность, ненужность. Чтобы дышать и двигаться, нужны пусть дурацкие, но цели. У нее их целых две: посадить Архарова и вытащить на свободу Раевского.

Не так уж и плохо.

Она не знает, любит ли еще Ванечку. Не знает, любил ли он ее хоть когда-то. Всё теперь совсем не так просто, как раньше. Столько сомнений, столько противоречий. Обвинители выставляли его корыстным мерзавцем, который был на всё готов ради состояния. У обвинителей такая работа — обвинять. Они, конечно, много всего нагромодили, грош ей цена, кабы поверила. Но посмотреть со стороны — так просто наивная дурочка, сломавшая себе жизнь ради мужчины. И если это так, остается только вниз головой, в темные воды.

Нет, говорит Анна мысленно, пока есть хоть капля надежды, она не позволит себе сомневаться. Всё было не зря, всё было по-настоящему.

Анне интересно, научится ли она когда-нибудь спокойно спать в казенной ночлежке. Какая-то часть сознания никак не утихомирится, остается настороже.

Давешняя тетка с папироской представляется Зиной. Ее так и тянет на разговоры, но Анна не может себя заставить откликнуться на неуместное дружелюбие. Она сворачивается калачиком на своей неприютной койке и просто лежит, прислушиваясь к звукам вокруг.

Встает рано. Этим утром никаких пирожков уже неохота — тошнит от волнения. И чем ближе Анна подходит к Офицерской улице, тем сильнее.

Она не позволит прошлому ее сожрать. Она не позволит себе бояться. Прямо сейчас она чиста перед законом. Пока еще чиста.

И всё же она медлит, стоя перед мрачным зданием из красного кирпича.

И всё же она — помнит.

— Анна Владимировна, — раздается грубоватый хриплый голос, и, повернув голову, она с потрясением узнает одну из гнусных рож. Тех самых, что восемь лет назад терзали ее расспросами.

Это немолодой уже мужчина, расплывшийся, лысеющий. Он как будто не изменился за годы — те же маленькие глазки-буравчики, нелепые усы, обвислые щеки. Она едва не шарахается в сторону, но заставляет себя оставаться на месте.

— Простите, не припомню, — цедит холодно.

— Как же, как же, — хлопотливо и понятливо кивает тот. — Времени-то сколько утекло, жуть! Позвольте представиться заново: старший сыщик Специального технического отдела Григорий Сергеевич Прохоров. Теперь мы, стало быть, коллеги. Александр Дмитриевич предупредал, да-с, предупредал-с, еще с лета для вас должность держит.

С какого такого лета, если оно месяц как закончилось? Ох, и горазд преувеличивать этот Прохоров.

Анна отворачивается, не в силах ответить. Она привыкла молчать перед такими людьми, ни слова на допросах не сказала. А уж как запугивали да орали — глоток не щадили.

Впрочем, именно этот, кажется, особо не лютовал. Правда, все они одинаковы.

— Что же мы мерзнем снаружи? Пойдемте внутрь. А я вас не узнал бы, Анна Владимировна, коли бы на улице встретил... А тут словно щелкнуло что: кто, думаю, еще бы стоял без дела на таком ветру. Сюда, позвольте дверь придержать, Семён, свои, свои!

Это он уже кричит молодому вышколенному жандарму с каменным лицом. Тот стоит навтыяжку у столика с телефонным аппаратом и тяжелой книгой регистраций.

— Своих тоже надо записывать, Григорий Сергеевич, — тянет жандарм неожиданно плаксиво. — Сами знаете, наш-то прям беснуется, когда бардак в бумагах.

— Пиши, Сёма, пиши, — кивает Прохоров и, кажется, уверившись, что не дождется от новенькой ни звука, диктует: — Анна Владимировна...

— Аристова, — перебивает она его с неожиданной резкостью. Отец отрекся от нее, это правда, но фамилия всё еще при ней.

— Младший механик, — невозмутимо поддакивает Прохоров.

Жандарм округляет глаза.

— Сотрудник нешто? — спрашивает недоверчиво. — Паспорт предъявите, барышня.

— Нет у меня паспорта, — чеканит Анна. — Не положен больше.

Глаза жандарма тут же презрительно щурятся.

Да, поднадзорная. Буду ходить теми же коридорами, что и ты, голубчик. Какие нежности при вашей службе, Сёма.

— Ступайте в канцелярию, милочка, — подталкивает ее Прохоров и машет рукой в направлении коридора слева.

И она идет в том направлении, больше не глядя по сторонам. Не смотрит, но слышит шепот за спиной: Архаров муху завел...

Старичок-архивариус протягивает руку, не глядя:

— Документы.

Анна кладет перед ним отпускное свидетельство с крупными буквами «КАТОРГУ ОТБЫЛА». Бумажка лежит на столе, как клеймо. Старичок берет ее, будто что-то грязное, двумя пальцами, и убирает в папку. Затем не спеша заполняет два бланка.

— Подписать. Здесь и здесь, — он тычет пером. — Вид на жительство будете продлевать раз в полгода. Пропуск действует до конца текущего года. Утрату не допускать.

Первая бумажонка невзрачная, серая, жалкая. Вторая посолиднее — служебный пропуск с гербовой печатью. Анна расписывается с усмешкой, отдавая дань двойственности своего положения.

Выходит из канцелярии в некоторой растерянности: куда теперь?..

Вокруг снуют курьеры, чины полиции, на нее бросают любопытные взгляды.

— Анна Владимировна? — молодой растрепанный паренек, насупленный и хмурый, вырастает прямо перед ней. — Я Петя, помощник старшего механика. Повыше вас, между прочим, в должности, а не мальчик на побегушках, — он явно оскорблен, что его отправили за какой-то мелкой сошкой. — Пойдемте, Александр Дмитриевич всех ждет у себя.

— Пойдемте, — соглашается Анна неохотно.

Петя перемещается стремительно, шагая на длинных тонких ногах, как на ходулях. Она едва за ним поспевает, и эта торопливость выглядит унижительной — будто она семенит просительницей за высоким чином.

Анна стискивает зубы и велит себе быть готовой ко всему. Вчера еще жалела, что слишком тоща для проститутки, а сегодня спешить тебе унижительно? Откуда взялось вдруг это нелепое тщеславие?

В кабинет Архарова она влетает, запыхавшись.

Тот не предлагает никому сесть. Четверо мужчин поворачиваются и, не смущаясь, оценивают ее.

А Архаров бросает лишь один взгляд мельком и тут же без особого интереса отворачивается, тянется к кипе бумаг на столе.

— Анна Владимировна Аристова. Принята на должность младшего механика, поступает в распоряжение Голубева. Прошу обеспечить необходимое содействие, — сухо информирует он, и на этом ее представление заканчивается.

Она догадывается о том, кто есть Голубев, по той брезгливости, что разливается на лице одного из мужчин. Ему около пятидесяти, седые бакенбарды и узкий подбородок, сгорбленная фигура человека, много времени склоняющегося над столом.

— Прошу за мной, — коротко роняет он и выходит в коридор. Вместе с Петей они тащатся следом, минуют короткий коридор и оказываются в мастерской.

Анна оглядывается и успокаивается от того, как всё ей здесь привычно: тиски, паяльные лампы на спирту, ряды стеклянных колб, сложные системы увеличительных стекол, штангенциркули и микрометры.

Однако Голубев проходит мимо всех этих богатств, останавливается у верстака в самом углу. Стол завален хламом, покрыт пылью и пятнами машинного масла. Ледяным голосом сообщает, глядя куда-то в сторону:

— Ваше рабочее место. Инструмент получите у Пети под расписку. Порча или утрата — вычет из жалования. А это ваш пациент, — указывает на старый, допотопный кассовый аппарат «Надежда», весь в копоти, с погнутыми рычагами. — Проведите полную диагностику. Раз уж вы такой ценный специалист, справитесь и без чертежей. — В его голосе впервые слышится нечто, кроме холодности, — едва уловимая язвительность.

Анна молчит, не реагируя на тон, разглядывает аппарат. Просто тебе тут, курва, не будет — вот что на самом деле говорит ей Голубев. Можно подумать, она еще помнит, что такое «просто».

ГЛАВА 04

У антиквара Саши Баскова была привычка тихо напевать, когда он склонялся над прилавком. Анне никогда не удавалось разобрать мелодию — может, это были романсы, а может, бездумные экспромты в такт многоголосому тиканью часов в лавке.

К сожалению, молодой наследник получил от дядюшки только лавку, но не знания, и оставался дилетантом как в механике, так и в ювелирном деле. Зато он обладал весьма предприимчивым складом характера и душой романтика. Принимая от Анны безделушки для подпольного сбыта, он часто видел в изумрудном ожерелье или старинной шкатулке нечто большее, чем обычную, хоть и дорогую вещь.

— Аня, взгляните-ка, — как-то предложил он, бережно поворачивая в руках потускневший серебряный портсигар. — Любопытно, как появилась эта вмятина. Ведь ее явно оставило не время. Может, вещицу швырнули в стену во время ссоры. Или она упала со стола из-за порыва страсти... Сколько всего видел этот портсигар на своем веку?..

Анна подтрунивала над этими философскими размышлениями, но слушала их с неизменным любопытством. Сама она была практически лишена фантазии, и Саша казался ей очаровательным в своей нежности ко всякому старью.

После холодности своего отца и бурного темперамента Раевского Анна приходила в «Серебряную старину», чтобы отдохнуть от всего. Ей нравились спокойная тишина лавки и то, что Саша Басков не пытался стать ей ни другом, ни возлюбленным. Они как будто превратились в добрых соседей, которым хорошо молчать друг с другом.

Вот почему Анна охотно взялась учить Сашу азам механики.

— Обратите внимание на анкерный спуск, — ее пальцы, ловкие и уверенные, касались крошечных деталей карманных часов. — Если он изношен, часы будут спешить или отставать. Слушайте... Слышите этот легкий дребезжащий звук?

Саша послушно склонялся над ее плечом, стараясь уловить едва слышный изъян. Он оказался прилежным и любознательным учеником, которого природа наградила цепким практическим умом, способным к точным расчетам, столь полезным торговцу. Анне льстили его успехи, и она, сама того не замечая, наведывалась в лавку всё чаще.

Как-то особенно дождливым и тоскливым вечером Анна разоткровенничалась больше обычного. Она рассказала о своем детстве, о бесконечных шестеренках вместо кукол, о требовательном отце, который видел в дочери не ребенка, а будущую преемницу.

— Он меня смастерил, — прошептала Анна, глядя на свое отражение в залитом дождем окне. — Как один из своих автоматов.

Саша так низко склонился над коллекционным пистолетом, который чистил, что его лица не было видно за отросшими волосами. Казалось, он вовсе не слушает, продолжая мягкими круговыми движениями втирать масло в металл.

— Вы поэтому с Раевским? — после долгого молчания спросил он. — Действительно верите, что механизмы — зло? Никогда не думали о том, сколько жизней они спасают? Люди больше не спускаются в шахты, чтобы умереть в тридцать лет от черной пыли в легких. За них там работают паровые экскаваторы и бурильные автоматы. Женщины не травмируются из-за прядильных станков, потому что автоматические челноки безопаснее. Девушкам из бедных семей нет нужды идти в поденщицы и гнуть спину в поле — они могут стать телеграфистками или машинистками.

Анна, не ожидавшая такой отповеди в ответ на свою искренность, опешила.

— Вы просто повторяете тезисы из газет, — резко ответила она и встала.

Саша вскинул голову и посмотрел на нее, явно не желая продолжать этот спор. Отчего-то он казался расстроенным.

До того дня, когда Анна увидит Сашеньку Баскова в синем полицейском мундире, оставался еще месяц.

Анна мысленно пытается совместить два эти образа — Баскова и Архарова — во что-то единое, но у нее не выходит. У них как будто даже черты лица разные, хотя такого не может быть. Где он научился так притворяться?

Она отворачивается от дряхлого кассового аппарата, обходит Голубева и снимает с крюка на стене грубый брезентовый фартук. Основательно обвязывает его вокруг талии — немного ритуально, будто облачается в доспехи.

Помощник главного механика Петя вытягивает шею, разглядывая происходящее. Голубев хмурится, когда Анна приносит из угла коробку для мусора и начинает разгребать хлам на верстаке: мотки засаленной медной проволоки, ржавые винтики, обрывки замызганных чертежей.

— Кажется, я велел вам заняться «Надеждой», — хмуро напоминает он.

— Велели. Но это не рабочее место, а свалка.

Петя тихонько ойкает, а Голубев не спешит отчитывать ее. Наблюдает молча, покачиваясь с носков на пятки и засунув большие пальцы рук в карманы. Она бросает косою взгляд на остальную часть мастерской, сияющую чистотой, и мимолетно удивляется: охота же было так стараться, засоряя верстак. Ведь очевидно, что ни один уважающий себя механик не станет работать с тонкими деталями среди пыли и масляных разводов.

Анна точно знает, что всё это специально для нее, но не понимает, как себя вести. Надо ли обвинить Голубева с Петей в злонамеренности? Она не уверена, что выдержит открытое столкновение с другими людьми, ей хочется тишины и чтобы никто не обращал на нее внимания. Это утро такое трудное — столько взглядов, столько новых лиц она не видела много лет.

И Анна молчит, старательно расчищает свое рабочее место, не поднимая головы. Погрузившись в привычный монотонный труд, она не замечает, когда Голубев отходит от нее. Осматривает кассовый аппарат, вникая в логику конструкции и основные узлы крепления. С такими примитивными устройствами она прежде не сталкивалась — группа Раевского вскрывала банковские хранилища, а не возилась с кассовыми аппаратами в лавках, как обычные мелкие уголовники.

Анна разбирает «Надежду» бережно, винтик за винтиком. Удаляет с деталей многолетнюю грязь, сортирует их на исправные, сломанные и безнадежные. Чудится ритмичный стук главного распределительного клапана за стеной. Кажется, что она всё еще на станции «Крайняя Северная», где снова и снова без особой необходимости перепроверяет оборудование, чтобы спасти свой рассудок.

Она то и дело забывает, что не одна в мастерской, вздрагивает от скрипа стула или слишком громкого вздоха, от металлического лязга инструментов или негромких коротких разговоров. Наконец, равнодушно пишет акт осмотра: «Кассовый аппарат „Надежда“, заводской № 6743. Вывод: ремонту не подлежит. Причины: коррозия основного вала, разрушение главной шестерни, множественные механические повреждения корпуса. Мл. механик Аристова».

Ее не просили починить эту рухлядь, собрать обратно или сделать что-нибудь еще. Нужно было только провести диагностику — выполнено.

Анна выпрямляется, расслабляя плечи. Неохотно бросает прощальный взгляд на разложенные детали. С каким удовольствием она собрала бы «Надежду» обратно, вместо того чтобы снова разговаривать с Голубевым.

К тому же никто не сообщил ей его имени-отчества, как же прикажете обращаться к начальству?

— Виктор Степанович! — раздается громкое, и Анна невольно съеживается от простецкого дружелюбия этого человека, который утром так бесцеремонно подошел к ней на улице.

Старший сыщик отдела СТО Григорий Сергеевич Прохоров по-свойски вваливается в мастерскую с кульком пряников в одной руке и исходящим паром чайником в другой.

— Виктор Степанович, давай заварку, — командует он.

— Здесь нельзя, — скрипит Голубев, — с ума сошел?

— Всегда пили, — озадачивается Прохоров, — принимали и покрепче чая. Анна Владимировна, голубушка, достаньте-ка кружки вон из того шкафа, где написано «хозяйственный инвентарь». Петя, ну что вы сидите — уберите чертежи со стола.

— Крошки! — одновременно с Голубевым говорит опешившая Анна, когда этот бестолковый человек роняет пряничный кулек возле разложенной... швейной машинки?

Почему она в этой мастерской? Можно ли совершить преступление с ее помощью? Как?

Сыщик возводит глаза к одной из стен, и Анна с ужасом видит, к кому он обращает свою молчаливую и шутливую жалобу: в углу, где обычно ставят иконы, красуется парадный портрет Владимира Петровича Аристова, действительного статского советника, ведущего инженера-механика Империи и поставщика двора Его Величества.

Ее отца.

Механики всех уровней обожали вешать его изображения в своих мастерских, потому что не было в стране специалиста известнее. И кто бы ни повесил это — юный Петя или опытный Голубев, — удар оказывается внезапным и сильным.

Руки и ноги немеют, становятся ватными, бесчувственными. Несколько долгих секунд Анна боится, что ее прямо здесь разобьет паралич, но громкое восклицание приводит ее в чувство.

— Ба! Да вы ведь однофамильцы! — Петя переводит взгляд с Анны на портрет. — Будь я тоже Аристов, всем бы заливал, что его сын.

В густо-тягучей паузе слышно, как в коридоре кто-то уныло тянет: «Семёнов, Семёнов, иди ты к черту, Семёнов». Там, за дверями, бурлит жизнь. В тишине мастерской Анна не знает, куда себя деть.

— Балабол ты, — фыркает Прохоров, разбивая неловкость. — И сахар давай, не жмись.

— Детки, — вдруг с отвращением кривится Голубев и, кажется, едва удерживается от плевка под ноги Анны. — Вкладываешь в них всю душу, а они, видите ли, с упоением ломают себе жизни.

— Что это вы?.. — удивляется Петя.

Прохоров крикает, спрашивает участливо:

— Степаныч, как там твой Васька?

— А что ему сделается? Отбывает...

Анна смотрит в пол и не смотрит на Голубева. Отбывает, стало быть. Еще один отец, разочарованный в собственном ребенке! Да он ей житья не даст, изливая желчь, накопленную для невесты что натворившего Васьки.

И всё же на самом доньшке ее сердца, там, где осталось что-то живое, жгучее и горячее, шевелится жалость то ли к Голубеву, то ли к собственному отцу.

Это так странно — ей казалось, что после отречения на суде всё уже выжжено. А вот поди ж ты.

— Эх, — вздыхает Петя, разгребая место на столе, — я бы душу продал, лишь бы работать на одном из заводов Аристова.

— Посмотрите на наглого щенка, — хохочет Прохоров, — и ведь даже начальства не стесняется!

— А и что! — задиристо отвечает Петя. — Будто бы вы отказались. У него, поди, платят по-человечески и не приходится то и дело выезжать на покойников.

— Все механики мечтают работать на Аристова, — зачем-то поясняет Прохоров, словно Анна не знает. — А к нам хороших специалистов не заманишь. Кому охота всю жизнь возиться в грязи с ворюгами да душегубами...

— Да брось ты ныть, — обрывает его Голубев осуждающе.

Петя печально вздыхает, явно мечтая о большем. Анне нет никакого дела до того, намеренно ее сравнивают с грязью или случайно так выходит, она решительно садится за стол, придвигает к себе кружку чая. Обещает себе: вечером всенепременно раздобудет шей, кислых, вчерашних. Ей нужно хорошо есть, чтобы перестать видеть во всех отражениях поднадзорную, а не человека.

Голубев не спешит присоединиться к чаепитию. Нависает за спиной, отчего Анне всё время хочется обернуться, защититься.

Но тут красным вспыхивает лампочка под потолком, погружая мастерскую в странную фантазмагорию.

— Ух, — Петя довольно щурится и жуёт пряник, — повезло, что не желтый. Ваша очередь, Виктор Степанович.

— Сам знаю, — бурчит Голубев, подхватывает стоящий у двери саквояж и покидает мастерскую. Красная лампочка гаснет, и обыденность возвращается к своей скучной блеклости.

— Что это? — растерянно спрашивает Анна.

— Она всё-таки разговаривает! — радуется Прохоров.

— Вызов на место преступления, — поясняет Петя. — Красный — Голубев, значит, там что-то серьезное, нужен старший механик. Желтый — случай попроще, сыскари обойдутся и мною.

— Из тебя, Петька, вышел бы толк, будь ты хоть немного серьезнее, — наставительно ворчит Прохоров. — А так — что? Кто в прошлый раз поломку в клапане прохлопал? Мы ведь чуть несчастный случай не прописали, кабы Степаныч после тебя не проверил...

— Как платят, так и работаю, — тот моментально надувается, замолкает обиженно.

— А я? — спрашивает Анна.

— Это как Виктор Степанович решит, — пожимает плечами Прохоров. — Его и упрасивайте, коли хотите на оперативную работу.

Выезжать с сыскарями на место преступления?.. Это кажется такой странной затеей. Разве она не создана для того, чтобы тихонько сидеть в мастерской и возиться с механизмами? А там ведь полицейские, пострадавшие... Страшно.

— Не спешите туда, — советует Петя. — Таковую дрянь иногда на выездах увидишь, потом аж кошмары снятся. Хотя вы, наверное, привыкшая...

Прохоров смущенно покашливает, пока Анна смеется.

Невозможно обижаться или воспринимать серьезно этого молодого мальчика с его оттопыренными ушами и пухлыми губами, даже если опасаться всех людей на свете.

— Конечно, привыкшая, — соглашается она, — у нас на каторге жмуриков было пруд пруди. Не успеешь глазом моргнуть, а уже кому-то перерезали глотку. Так утомительно было сбрасывать мертвые туши в карьеры.

Это, наверное, самая ее длинная речь за восемь лет, и Анна тут же выдыхается. Однако испытывает нечто, отдаленно похожее на удовольствие, когда Петя сначала тарашится на нее с явным ужасом, а потом понимает, что над ним насмеются, и начинает мучительно краснеть.

Прохоров, откровенно ухмыляясь, дружески подмигивает Анне, выражая явную поддержку. От этого ее внутренне передергивает — да что ему нужно-то? Откуда такая навязчивость, или он не помнит, как она дрожала в допросной, а он снова и снова гонял вопросы по кругу? И Анна торопливо отводит глаза, не выдерживая такого внимания.

— Григорий Сергеевич, — дверь открывается, и голова давешнего жандарма-дежурного Сёмы образуется в проеме, — там сейф у какого-то студентика вскрыли, а Голубев с Бардасовым только что отбыли. Велю студенту ждать?

— Вот люди! — возмущается Прохоров. — Нет чтобы совершать преступления в порядке живой очереди!

— Дайте хоть чай допить, — ноет Петя.

Анна прислушивается к ним рассеянно, больше сосредоточившись на том, чтобы ненароком не повернуться к портрету лицом. И всё равно он будто сверлит ее затылок, вызывая слабую мигрень. Она словно живая мишень: повернешься неловко — и напорешься либо на подмигивания, либо на того, от кого всё еще слишком больно.

— Анна Владимировна, — вдруг зовет ее Прохоров, — а вы что думаете?

— Простите? — Кажется, она совершенно выпала из беседы и теперь не понимает, о чем идет речь.

— Вскрыли сейф у студентика, — терпеливо повторяет сыщик. — Странное дело, а?

— Ну, может, он тетрадки с лекциями там хранит.

— В наше время над конспектами так не тряслись, — Прохоров поднимается. —пей чай, Петька, у меня тут ценный специалист по сейфам простаивает... Сколько их на вашем счету, Анна Владимировна?

— Кажется, вам платят за то, чтобы вы точно знали ответ, — цедит она, ощущая ледяные иголки в загривке. Нет, он не посмеет! Ее начальник — Голубев! Ему и решать, что Анне делать...

— Собирайтесь, душечка, — безжалостно велит Прохоров. — Посмотрите на место преступления с другой стороны.

— Ох, как Виктор Степанович взбеленится, — предвкушает Петя, наливая себе еще чаю, — он терпеть не может, когда сыскари в нашей мастерской командуют.

Анна мрачно встает, дергает с вешалки свое старенькое пальто. Спорить она не намерена, но на всякий случай напоминает:

— Я отстала от жизни на восемь лет, если у студентика какая-то новенькая модель, от Пети больше проку будет.

— Вы же не думали, что вас отправят на обучающие курсы, — удивляется Прохоров. — Вот по ходу дела и разберетесь, что там без вас наизобретали.

Она уныло тащится к выходу и понимает, что вчера нужно было не болтаться по городу безо всякого смысла, а отправиться в общественную библиотеку и поднять подшивку «Современной механики».

Если она хочет подставить Архарова и получить доступ к заключенным в Петропавловской крепости, придется работать по-настоящему, со всем усердием.

ГЛАВА 05

В тот вечер Раевский закатил одну из своих широко известных на весь Петербург пирушек, отмечая удачное окончание дела «невидимого человечка».

Анна стояла у окна, издали наблюдая за постоянными гостями: полупьяными поэтами, художниками-бунтарями, хохочущими актрисками, вечными студентами... Это были бездельники, обожающие крамольные речи Раевского, вечно без денег, зато с полными карманами странных идей. Тогда они казались ей невероятно свободными и притягательными, не то что эти скучные промышленники и фабриканты!

От дорогого табака воздух в гостиной сгустился, как туман над Невой, шампанское лилось рекой, где-то хрипел граммофон, но его заглушали смех и звон бокалов. И в центре безрассудного хаоса царил Иван Раевский, душа этого безумия, щедрый хозяин и тайный кукловод. Среди многолюдного веселья он обожал скрываться с Анной в саду, или за портьерами, или в других комнатах, двери в которые неизменно оставлял открытыми, где целовал и целовал, как сумасшедший, а она едва не плакала от того, что чувствовала себя самой любимой в мире.

— Опять ты скучаешь в углу, — Софья, которая в кои-то веки не сияла в центре внимания, подошла тихо, поманила Анну за собой в сумрак веранды. — Что за причуда — посещать сборища этого сброда? Будь моя воля, я бы отправилась к Стравинской, там публика приличнее, право слово.

— Зачем же ты тут?

— Дела, Анечка, заботы...

Она небрежно поправила замысловатую прическу, с прищуром разглядывая Раевского через стекло. Потом вдруг заметила устало:

— Вот увидишь, он плохо кончит.

— И охота тебе каркать, — вздрогнула Анна. Она бы ни за что не призналась, что всё чаще задумывалась: какова же конечная цель их деятельности? Заставить инженеров сбавить обороты, а промышленников — реже использовать автоматы? Сменить правительственный курс? Раевский говорил, что даже одна сломанная железка — уже победа, но всё выглядело таким незначительным.

— Наш клиент сегодня повесился, — буднично, безо всякого выражения сообщила Софья.

Анна, онемев от ужаса, впилась в перила побелевшими пальцами.

Их целью был фабрикант, получивший от правительства деньги на массовое производство нового механического уборщика. На самом деле внутри бронзового корпуса находился небольшой человек, исправно подметающий улицы. Это надувательство выяснила Анна, которая присутствовала в составе патентной комиссии, представляя отца. Она не стала указывать на мошенничество прилюдно, но не замедлила сообщить обо всем группе. Сложно было представить, что потешное мошенничество с автоматом-уборщиком обернется настоящей трагедией.

Они шантажировали клиента почти три месяца — сначала вытрясли все личные средства, потом фабричные, потом правительственные. Накануне Раевский торжественно объявил, что всё, за душой бедолаги ничего больше не осталось, и хорошо бы это отметить, прежде чем браться за новое дело.

И вот он — итог. Урок не поучительный, но смертельный.

— Ты ему сказала? — оглушенно спросила Анна, кивая на Раевского. Тот смеялся, запрокинув голову, а вокруг него восторженно галдели прихлебатели и подпевалы.

Софья помедлила с ответом, будто сомневаясь, а потом отмахнулась:

— Ты думаешь совершенно не о том... Главное, что я сказала Ольге, она приберется. Знаешь, вдруг осталась предсмертная записка или что-то такое...

Анна обессиленно прижалась лбом к ее плечу, сглатывая слезы. А Софья, не терпевшая сантиментов, вдруг крепко обняла ее в ответ и прошептала невнятное: «Ох и дурочка ты, Аня, хоть и гений».

Та «дурочка» снова возвращается к Анне, когда она смотрит на громоздкий деревянный ящик, который ставит перед ней Петя.

— Что это?

— Фотоматон, — он вроде как удивляется вопросу. — Механики делают картинки с мест преступлений, вы не знаете?

Разумеется, не знает. Хуже того, впервые слышит о фотоматонах и понятия не имеет, как ими пользоваться. Спина покрывается холодным потом, как будто отец вот-вот выйдет из рамы портрета, чтобы отчитать ее за нерадивость. Анна растерянно принимает ящик — тяжелый, — вешает себе на плечо.

Прохоров, уже в грязно-сером потрепанном макинтоше, заглядывает в мастерскую.

— Анна Владимировна! — нетерпеливо и даже раздраженно торопит он. Она рефлекторно спешит на этот оклик, чуть перекашиваясь на правый бок из-за веса фотоматона. Узкими служебными коридорами они выходят в небольшой дворик, где сгрудились облезлые патрульные экипажи. На улице пасмурно, ветрено, дождь моросит ледяным туманом.

— Вам ведь уже доводилось кататься в «гробах», правда? — ерничает Прохоров, и Анна снова дергается: почему он без устали напоминает о ее арестантском прошлом? Она не питает иллюзий и не ждет хотя бы рядовой вежливости, но постоянные уколы ранят глубоко и сильно.

Он распахивает облезлую дверь некоего гибрида омнибуса и старинной тюремной кареты. Угловатый приземистый короб на колесах и формой, и цветом (темно-красный, но из-за старости кажется ржавым) напоминает гроб, вот откуда такое название. В сравнении с удобными частными паровиками-экипажами это сооружение кажется их уродливым братом-сифилитиком, рожденным в недрах министерской бюрократии.

Да, именно в такой забранной решетками коробке одной глухой ночью ее привезли сюда для допросов. В последнем деле группы Раевского Анна не участвовала, и ее подняли прямо из постели, под негодующую ругань не верящего ни в какие обвинения отца. Он так долго отрицал, что его дочь может оказаться обычной преступницей, что едва не охрип, застываясь за нее в высоких кабинетах. Тем сильнее оказалось разочарование.

Требуется настоящее усилие, чтобы заставить себя добровольно забраться внутрь. Ящик фотоматона больно бьет по ногам, когда Анна опирается на покосившуюся металлическую подножку. Внутри знакомо — казенно и неудобно, видимо, все «гробы», как и все полицейские, одинаковы.

Впереди, за гнутыми прутьями, — очередной жандарм.

— Куда едем, Григорий Сергеевич? — оборачивается он, окатив Анну недоуменным взглядом.

— На Вязкую, к федорищенскому доходному дому.

— Тю! — жандарм дергает рычаги, отчего «гроб» содрогается и начинает пыхтеть. Анну мотает вперед, отбрасывает назад, она беспомощно пытается удержать ящик рядом с собой и схватиться хоть за что-то. Изо всех щелей невыносимо дует, ладно хоть дождь не идет.

— Убили кого? — спрашивает жандарм, когда они тряско и громко трогаются с места.

— Смешнее! — кричит Прохоров в ответ. — Ограбили!

— Что там можно вынести, кроме грязи и тараканов?

— Вот и всем интересно.

Анна наконец находит относительно надежное положение, хоть и чувствует каждую рытвину всем телом. А Прохоров с какой-то невозможной привычностью откидывается на жесткую спинку, вытягивает ноги, скрещивает руки на груди и прикрывает глаза, будто в этом тряском аду можно вздремнуть.

Передышка радует, хотя неизбежность и скручивает желудок спазмами. Как признаться, что ты чего-то не знаешь и не умеешь?

«Гроб» останавливается так резко, что Анну едва не сбрасывает с сиденья, фотоматон скользит, ремень натягивается и дергает плечо. Кажется, в синяках недостатка не будет, но сейчас ей не до того.

Она неохотно идет за полицейскими к дешевому доходному дому на Вязкой, поднимается по узкой лестнице и оказывается в квартирке, из окна которой легко можно шагнуть на крышу. Квартирка совсем крохотная, скудно меблированная и пахнет бедностью на грани нищеты.

Похожий на оципанного воробья студент представляется Егором Быковым. Он потерянно сидит на табурете, свесив стриженую голову. Вокруг царит идеальный порядок. Анна оглядывает полки с книгами, чертежи на обшарпанном столе и понимает, что попала в гости к коллеге-механику.

— Ну-с, сударь, — Прохоров по-свойски устраивается на узкой кровати, потому что сидеть в комнате больше негде, — дежурный сообщил, что вы телефонировали прямо в СТО. Газетки почитываем на досуге, а?

— Почитываем, — угрюмо соглашается студент Быков.

— Это про нас большую статью давеча накаляли, — переводит жандарм, обдавая горячим дыханием ухо Анны. Она бы и рада отодвинуться, да некуда, стоит приговоренно и надеется, что про нее все забудут.

— Думаете, раз сейф — так лучшие механики к вам сразу и примчатся? — бурчит Прохоров.

— Да при чем тут сейф, — вспыхивает пострадавший, — дело вовсе не в сейфе!

— Где он, кстати?

Студент кивает на закуток, отгороженный порванной ширмой.

— Анна Владимировна, ваш выход, — командует Прохоров, и она неохотно заглядывает за ширму: крохотная кухонька, а сейф не вмонтирован в стену, как полагается, а стоит прямо под неказистым столом, будто коробка с растопкой.

Безобразие, конечно.

— Что там? — Прохоров явно не собирается лишний раз встать с места.

Она опускается на колени, чтобы разглядеть получше.

— Это сейф Рыбакова, — отвечает облегченно, уж в этом она точно разбирается. — Модель старая, но в отличном состоянии. Редкая вещица.

— Отчего же редкая?

— Обычные люди опасаются такими пользоваться. После того как вы откроете дверцу, есть ровно две секунды, чтобы нажать кнопку, которая у каждой модели расположена в своем потайном месте. Иначе срабатывает механизм химического уничтожения. В полости между стенками находится порошковая смесь, она воспламеняется, создавая кратковременную, но чрезвычайно высокую температуру. Бумага, ткани, даже некоторые металлы — всё превращается в пепел. Драгоценности, конечно, уцелеют, но могут оплавиться.

— Безумие какое-то, — осуждает Прохоров. — Кому нужен сейф-самоубийца?

— Тем, кто хранит нечто более ценное, чем золото. Секреты, — Анна проводит пальцем по внутренним стенкам. — Здесь ничего не горело. Вскрыли аккуратно.

— Ну-с, сударь, — повторяет Прохоров, — и что же у нас украли?

— Барышня права — секрет, — горько отвечает студент. — А вернее — идею!

Анна слушает его, попутно открывая ящик с фотоматомом. Она рада, что может сделать это под ненадежным прикрытием дырявой ширмы, когда никто не сверлит ее взглядами.

— Несколько месяцев назад я познакомился с дамой. Она назвалась Лилей, но это ненастоящее имя. Красивая.

— Красивая не-Лилия, — повторяет Прохоров ехидно. — Другие приметы будут?

Пока студент прилежно описывает кудри и родинки, Анна ошарашенно разглядывает содержимое ящика: медный корпус с черной кожаной гармошкой между двумя частями. С одной стороны — большое стекло в оправе, с другой — матовое стеклышко поменьше. К нему ведет резиновый шланг с грушей. Это еще зачем?

— Лилия заверяла меня, что у нее очень ревнивый муж, и велела никогда, ни за что не приближаться к ее дому и не искать с ней встреч. Когда у нее появлялось время, она сама приходила в мою квартиру и... надо ли продолжать?

— Боже сохрани, — шутливо отвечает Прохоров. — У нас вон Федька еще не женат. Испортите мне сотрудника!

— Григорий Сергеевич! — смущенно тянет жандарм и сам же смеется.

Студенту, кажется, не до веселья. Он продолжает со звенящей злостью:

— Лилия жаловалась, что ее соседи мешают ей спать по ночам, громко включая граммофон. И я пообещал ей сделать некое устройство, которое выводило бы из строя простейшие механизмы. Помню, Лилия тогда недоверчиво рассмеялась и заявила, что пусть мое устройство будет заодно и бонбоньеркой. Она обожает конфеты...

Рядом в ящике лежат стопки тонких алюминиевых листов в черных конвертах. Анна достает один — он холодный и липкий на ощупь, с резким запахом. Пластина тут же покрывается разводами от ее пальцев.

— Глупости, — звучно зевает Прохоров. — Или вы хотите сказать?..

— Я создал резонатор, — торопится со словами Быков. — Вы же понимаете: у любого механизма есть своя резонансная частота, на которой он колеблется с максимальной амплитудой. Это как камертон. Если правильно подобрать частоту и направить на нее сфокусированный акустический импульс, можно вызвать механический резонанс. Пружина не ломается, она просто... перестает быть пружиной. Она начинает вибрировать с такой силой, что не может выполнять свою функцию. Ригель буксует, шестеренка проскальзывает...

— Анна Владимировна! — досадливо зовет ее Прохоров. — Что городит этот грамотей?

Она торопливо убирает от лица склянки с жидкостями — одна пахнет уксусом, другая — нашатыркой, укладывает их обратно в гнезда и выглядывает из-за ширмы, не поднимаясь с колен.

— Проверяли? — спрашивает у студента. — Работает?

— В том-то и дело! — он взволнованно взмахивает руками и добавляет горестно: — Работает.

Они встречаются глазами: два человека, которые прекрасно друг друга понимают.

— Не переживайте, — говорит Анна, — вряд ли ваш резонатор способен наделать много бед. Разве что вот граммофон выведет из строя, музыкальную шкатулку, может, часы.

— То есть вы создали бутоньерку-вредительницу? — Прохоров поднимает взгляд от блокнота, ухмыляется. — Действительно?

Студент покаянно опускает голову.

— И что же не отдали своей Лилечке?

— А она и не Лилечка вовсе, — вскидывается он. — И мужа у нее совсем нету... Актрисулька в задрипанном театре, я туда Верочку водил, а Лилечка на сцене в трико... Тьфу!

— Вот так великая любовь разбилась о трико, — глубокомысленно изрекает Прохоров. — Значит, оставили резонатор себе.

— И прогнал обманщицу! Она ко мне как ни в чем не бывало — шась! А я ей в лицо: уйди, подлая лгунья!.. Громкая вышла сцена, мы едва Лизу не разбудили.

— Каков пострел! — восхищается вдруг жандарм Федька.

— Сейф-то откуда взяли? Весит, поди, сто пудов.

— Купил на барахолке. Тридцать целковых отвалил, это с грузчиками.

Прохоров присвистывает. Сумма действительно неподъемная для студента, и вопрос — откуда дровишки — осязаемо повисает в воздухе.

— С первого курса копил, — студент правильно расценивает густое молчание, — на взятку!

Прохоров крякает и прикрывает блокнот рукой, будто у того слишком длинные уши.

— Ну ты думай, что говоришь, — одергивает он.

— Так не я взятки придумал... Думаете, дешево получить направление на самый задрипанный аристовский завод? На кафедре за такое пятьдесят рубликов и сдерут... Да что уж теперь, — и он безнадежно машет рукой.

— Поедешь с нами, — Прохоров встает, — всё подробно распишешь — как выглядела твоя бутоньерка...

— Бонбоньерка.

— Всё одно. Что за театр, где барышни выступают в трико. Кто знал, как вскрыть сейф.

— Так никто!

— Да что ты, ни Верочка, ни Лизонька, ни кто там еще у тебя выспаться норовил... Анна Владимировна, вы так и не закончили с фотоматоном?

Она сглатывает и понимает, что тянуть больше некуда.

— Я не умею, — признается отчаянно и словно наяву слышит ледяной голос отца: «Как это прикажешь понимать?»

— Ну разумеется, — Прохоров чешет в затылке. — Вы не умеете, я не умею... Чего сразу не сказали? Я бы Петьку взял.

— Я покажу, — студент срывается с табурета и подлетает к Анне. — Сначала пластину надо полить эмульсией...

Она слушает его подробные объяснения с горячей благодарностью. Это так странно: признаться в своем невежестве и не получить в ответ ушат ледяного презрения. Ничего плохого не случается, вместе они щелкают пружинным затвором, наводят объектив на сейф. Кажется, будто за всю свою жизнь Анна не встречала никого отзывчивее студента Быкова, хоть это наверняка неправда.

— А уничтожить резонатор у вас рука не поднялась, да? — спрашивает она, когда жандарм уходит опрашивать соседей, а Прохоров осматривает окна и двери.

— Не поднялась.

— Вы напишите секретарю Аристову, — шепчет Анна, не зная, как иначе выразить переполняющие ее чувства, — только идею! Ни в коем случае не прикладывайте чертежи, а то эти промышленники умыкнут все ваши наработки. Кривошеев переулочек, дом тринадцать, Зотову лично в руки. Он вас не упустит.

— Да ведь это так, ерунда, — сомневается студент. — Вот если бы я паровики-экипажи мог тормозить...

— То скорее всего, это бы печально закончилось.

— И то верно... Но кому понадобилась эта игрушка? — восклицает он, снова сердясь. — Ведь ни на что серьезное она не способна.

— Люди, — откликается Прохоров философски. — Прут всё, что плохо лежит.

— Да ведь хорошо лежало! — кипятится студент. — Сейф-то надежнее некуда.

— Серийный номер, — говорит Анна. — Ваша Лиля сейф видела?

— Когда скандалить пришла — заходила на кухню за водой. Чтобы в лицо мне плеснуть, — с некоторой даже гордостью вспоминает любвеобильный гений.

— Григорий Сергеевич, когда мы работали с такими сейфами, у нас на рыбаковском заводике был прикормленный человек, который передавал расположение кнопки на конкретной модели, — объясняет она. — Ну а вскрыть замок не так уж и сложно. У меня бы на это ушло не больше семи минут.

— А? — студент подпрыгивает, оглядывается на нее в изумлении.

— Я же говорил — ценный специалист, — удовлетворенно констатирует Прохоров.

ГЛАВА 06

В красном свете лаборатории всё кажется странным и будто крупнее. Погружая пластины в кюветы с проявителем, Анна внимательно запоминает объяснения Пети и досадует, что из него плохой учитель. Он путается в словах, делает длинные паузы, перескакивает с одной мысли на другую и повторяет без необходимости уже понятное.

Вот кто умел легко растолковать любые сложные темы, так это ее отец. Самый тупоголовый студент выходил с его лекций просветленным. Маленькой Анна любила ходить с отцом в университет и слушать непонятные термины, формулы и определения, которые наполняли ее сердечко спокойствием и восторгом. Ей казалось, что нет никого красивее и умнее, чем папа.

Тогда она еще была Анютой, Анечкой, и в мамином теплом смехе таяла отцовская резкость. Если подумать, мир выглядел вполне дружелюбным местом, и никто не предупреждал, что однажды это изменится.

Анна порой (всё реже и реже) спрашивает себя: а простила ли она маму? Или всё еще нет? Ответ прячется в тених прошлого и, наверное, никогда не выйдет на свет, если только однажды они вдруг не встретятся снова.

Она представляет себе, что скажет: ты сбежала от отца, это я понимаю лучше всех; но почему ты не взяла с собой меня?

А может, Анна не сумеет перешагнуть через гордыню и только отвернется презрительно. Ни о чем не спросит, пройдет мимо... Как знать, на что она способна в минуты потрясений?

Мама сбежала, но не это самое плохое. Плохо то, что ее бегство изменило отца. Как будто Анна осиротела дважды, потеряв сразу обоих родителей. Да нет, куда хуже — как будто отец стал врагом, от которого некуда спрятаться.

С годами его раны затянулись, на место ярости пришла холодная отстраненность. Наверное, никто и никогда так жестоко не уязвлял самолюбия великого Аристова, как его собственная жена.

Он кинул смятую записку к ногам Анны, словно обвиняя дочь в преступлении матери. Теперь она уже не помнит точно, что там было написано, — путаное про тиранию, свободу и любовь. Тогда это казалось словами, лишёнными смысла. Анна смотрела их значение в словах, но понадобилась встреча с Раевским, чтобы действительно постичь, как много они вмещают.

Его любовь обрушилась откровением: Анна и не понимала, как истосковалась по обычным прикосновениям, теплым словам, пониманию и искренности. Наверное, такое потрясение испытал бы слепец, вдруг увидев солнце.

Раевский был по-настоящему добр, добрее всех, кого она знала. И этого оказалось достаточно, чтобы заполучить ее вечную преданность.

Анна уходит с работы точно по времени, испытывая невероятное облегчение, что наконец-то можно смешаться с прохожими, снова стать безликой и безымянной. Вечерний город равнодушно принимает ее на свои улицы, и она впервые за этот длинный день дышит полной грудью.

В карманах весело звенит мелочь — Анна перебирает в уме нынешние цены, приглядывается не к вывескам, а к публике, ошивающейся возле трактиров, наконец решается и торопливо ныряет в некий «Паровой бородач». Мгновенно прошибает паникой: какая толкотня! Какая теснота! Но тут же отпускает — она всё еще невидимка. Все заняты только собой, и какая огромная разница в сравнении с теми ресторациями, где она когда-то нежилась в блеске Раевского.

Толкнув себя вперед, Анна всё же заказывает щи и чувствует себя настоящим героем: раздобыла, смогла! Ест, однако, безо всякой охоты, как будто за годы на станции «Крайняя Северная» совершенно перестала понимать, что вкусно, а что нет. Краюху хлеба забирает с собой: будет ей завтрак. И спешит туда, куда с самого утра рвалось ее сердце, — как только стало понятно, сколько всего она пропустила.

Императорская публичная библиотека на перекрестке Невского и Садовой — величественная, монументальная — всегда была для Анны надежным пристанищем. Не сосчитать, сколько часов отрочества было проведено в ее прохладных и тихих залах, где шелест страниц обещал превосходное будущее.

Это в трактир зайти было страшно, а сюда Анна входит свободно. Она всё еще помнит номер читательского билета, но совершенно забывает о том, как неприглядно сейчас выглядит. Не бывшая каторжанка шагает по каменным плитам, а четырнадцатилетняя гимназистка с двумя длинными косами, на воротнике ее шерстяного платья вышиты ключ и циркуль, в лакированных туфлях отражаются роскошные библиотечные люстры.

— Я потеряла читательский билет, — говорит она строгой тетушке на регистрации. Совершенно незнакомой, а ведь когда-то каждую тут знала. — Анна Аристова...

— Паспорт, — устало требует библиотекаря, и рука сначала привычно взлетает к карману, а потом зависает. Анна старается не прятать глаз, достает свою серую жалкую бумажку

небрежно, будто она такой же документ, как и все остальные. Однако на лице тетушки немедленно проступает брезгливость.

— С видом на жительство не положено, — сообщает она неуступчиво.

Это как удар под дых, аж воздух выбивает из груди. Казалось бы, пора привыкнуть, но мир в очередной раз рушится, а реальность страшна: Анна Аристова нынче человек самого низшего сорта.

— Послушайте, — говорит она отчаянно, — но у меня уже есть читательский билет...

— Я ведь и охрану вызову.

Анна разворачивается и медленно, нога за ногу, бредет к выходу. Как всегда, когда она падает, ей не дает разбиться вдребезги ледяная расчетливая злость. Словно Раевский берет ее за руку и, посмеиваясь, нашептывает: «Посмотри, на окнах — стальные противопожарные ставни. Закрываются на засовы изнутри. Но как проржавели петли... А замки в дверях не меняли уже лет двадцать. Здесь всё такое старое, а сторожа так ленивы... Караулка совсем рядом со входом, но это не беда. Мы найдем другую дверь. Что с того, коли они заперты на ночь, Анечка? Это всего лишь жалкая библиотека... Почти оскорбительно».

На улице уже стемнело. Анна обходит здание — три этажа, но ставни первого выше ее головы. Зато с непарадной части здания находится цоколь. Тут даже подтягиваться не нужно, достаточно просто присесть на корточки. Находит подходящее служебное окно, которое, как и полагается, прикрывает массивный противопожарный ставень. Но механизм подъема был давно снят, а сам ставень, слетевший с одной нижней петли, намертво заклинило в полуоткрытом положении. Остается лишь отвести мешающий угол... Тут понадобится рычаг.

Денег теперь не жалко: если этот город не хочет ее, то и она с ним не собирается церемониться. Поэтому Анна решительно заходит в первый попавшийся ломбард и выкладывает всё, что у нее осталось, за складной нож часового мастера. На стальной рукояти закреплены тонкие шильца, лопаточки и крючок для чистки трубок. Никто не посмеет придраться к механику, раздобывшему себе инструмент.

Времени у нее много — библиотека закрывается на ночь только в десять. Анна кутается в пальто, но холода не ощущает. Наверное, потому что излучает его сама. Мимо бронзовых коней она спускается к Фонтанке, втягивает в себя запах речной воды, отдающей илом, носком башмака скидывает туда камешек и долго смотрит на то место, где он утоп, даже когда круги уже исчезли.

Поднимается вверх, останавливается напротив огромных витрин Елисеевского магазина. За стеклом громоздятся пирамиды ананасов, заморские вина, шоколад в блестящих обертках. Яркий свет льется изнутри, и Анна смеется своему отражению — серому тощему привидению.

Восьми лет каторги, оказывается, недостаточно, чтобы начать жить честно. Она ведь попыталась — и признала поражение уже на третий день. К черту всё это.

Тонкое шило входит в щель между полотном ставня и рамой, одно точное движение — и ржавый шпенек засова легко поддается. Раздается упругий скрежет, и тяжелый ставень с глухим стуком проваливается внутрь, в темноту подвала. Щели хватает, чтобы просунуть руку, отыскать изнутри шпингалет и отодвинуть его. Створка с визгом поддается, открывая путь. Анна замирает, вглядываясь в черноту, — но ни криков, ни бегущих шагов. Только холодный, спертый воздух, пахнувший старыми камнями, пылью и сладковатым запахом тлена.

И когда она уже решается проскользнуть внутрь, над ухом раздается буднично-безразличное:

— Анна Владимировна, прошу за мной.

Она медленно поворачивает голову и видит того самого филера, что встретил ее в первый день. Архаровская ищейка! Голова дергается назад, будто натягивается невидимый поводок. Анна снова смеется — возможно, она этим вечером действительно сошла с ума, самое время. Поднимается. И бросает в невозмутимое лицо как можно презрительнее:

— Я помню дорогу.

— И всё же я провожу.

Красавица, ни о чем не спрашивая, провожает поздних посетителей в небольшую, немного захламленную гостиную. Сегодня Архаров не корпит над документами — в потертом бархатном халате он стоит на коленях перед камином с кочергой и щипцами в руках, возится с потухшими углями. Вот ретроград, отстраненно думает Анна, кто нынче топит камины.

— Вась, что у тебя? — спрашивает Архаров, оглядывается, и его лицо как будто преломляется, каменеет, когда Анна выходит из-за спины филера. — Ясно, — отрывисто чеканит он, и ничего хорошего это «ясно» не предвещает. По крайней мере, их тут же оставляют наедине, и она бы с удовольствием убралась отсюда тоже.

Нет, Анна не боится — хотя стоило бы. В ее положении быть пойманной на новом преступлении значит безвозвратно сгинуть на уже пожизненной каторге. Но дурное безумие еще бродит по венам, и кажется — всё равно. Пусть горит вся ее жизнь адским пламенем.

— Говорите, — резко велит Архаров, не предлагая ей сесть. Сам он поднимается, аккуратно ставит щипцы на место, пристраивает кочергу на подставку, да так и стоит у камина. Бархат халата не скрывает напряженной линии прямой спины.

— Пусть ваш филер вам докладывает, — огрызается она.

— А вы что же, скромничаете?

Изворачиваться Анна не намерена, поэтому отвечает без паузы:

— Он помешал мне забраться в...

— Черт бы вас подрал! — вдруг взрывается он, и от неожиданности она хватается за спинку кресла, не в силах поверить, что этот черствый человечешка способен кричать. То, что он при этом даже не глядит в ее сторону, добавляет сцене пугающего сюрреализма. — Еще не поняли, Анна Владимировна, что теперь ваша жизнь? Продолжаете играть в безнаказанность?

— Вам-то что за дело, кем я себя считаю? — растерянно выдыхает она.

— Я ведь когда-то был вам другом, Аня, — тихо напоминает он, и ненависть невиданной силы всхлестывается вверх, накрывая ее с головой. Никогда прежде она не понимала, как можно трястись от желания вцепиться кому-то в горло, а теперь трясется.

— Не смейте, — голос не слышится, выходит что-то сиплое, надсадное. — Саша Баскова никогда не существовало. Был только сыскарь Архаров при исполнении. Скажите мне, вы все мои откровения вшивали в дело или только те, что относились к Ивану?

— Вашим откровениям невелика цена, — он, наоборот, успокаивается. Заворачивается в обычное бессердечие, опускается на диван и смотрит на нее цепко, но хотя бы без омерзения. — И стоило утруждаться, писать прошение о возвращении в Петербург, чтобы снова отправиться на каторгу? Оставались бы на станции, к чему мотаться туда-обратно... Впрочем, в следующий раз вас отправят в места куда более страшные, и тут уж вам никто не поможет.

— Какая разница! — вскидывается она. — Всё равно это не жизнь даже!

— Не разочаровывайте меня еще сильнее, — кривится Архаров. — Куда вы там намеревались забраться?

— В публичную библиотеку.

— Куда?!

От его искреннего изумления она испытывает приступ злорадства. Обходит кресло и садится в него без приглашения. Тепло потихоньку пробирается под пальто, и она понимает, как же замерзла во время вечерних блужданий.

— В Императорскую, на Невском.

— Зачем?

— Хотела почитать выпуски «Современной механики» за последние восемь лет. Первый рабочий день показал, что я безнадежно отстала. Но оказывается... — Тут горло внезапно схватывает спазм, и Анна с ужасом ощущает близкие слезы.

— Не вздумайте разводиться с ним, — одергивает ее Архаров. Он снова на что-то злится. — Думаете, я поверю в такую чушь? Вы вдруг решили стать образцовым сотрудником? Надеетесь получить медаль?

Он всё-таки идиот. Неужели сложно понять, как тяжело специалисту ее уровня ощущать пробелы в образовании? Анна не может чего-то не знать, это совершенно неприемлемо.

Но объясняться с этим человеком для нее слишком гадко, и она напоминает о том единственном, что еще удерживает ее на поверхности:

— Вы обещали мне встречу с Иваном. Когда?

— Через три месяца, — он отвечает без запинки.

— Так долго?

Как странно: она рада такой передышке. Многие годы ее сердце разрывалось от переживаний за Раевского, но теперь, когда они вот-вот встретятся лицом к лицу, это кажется слишком сложным. Вдруг их свидание окончательно ее разрушит?

— Как показывает опыт, именно в первые три месяца человек, вернувшийся с каторги, совершает новое преступление и опять отправляется за решетку. Мне бы не хотелось утруждаться раньше времени, — безжалостно объясняет Архаров. — Вероятнее всего, вы оступитесь еще раз куда раньше. Признайтесь честно: этот город для вас будто детская копилка, и вам тяжело не запускать в нее руки каждый раз, как вам того захочется. Пьяница не может не тянуться к бутылке.

Она молчит, потому что, пожалуй, впервые готова признать его правоту. Всё так и есть. Яркие погрешности — вот что такое для нее банковские автоматы, сейфы и кассовые аппараты.

— Вы даже не видите во мне человека. — Господи, как трудно дается это спокойствие. Упасть бы лицом в подушку и взвыть без лишних ушей. — Для вас я одна из многих поднадзорных, которые все под одно...

— Вот уж глупости, — раздраженно возражает он. — Плохим бы я был сыщиком, если бы не разбирался в трагедиях и мотивах моих подопечных. Нет, Анна Владимировна, я вполне допускаю в каждом преступнике индивидуальность. Но что вас всех роднит, так это надежда избежать наказания.

И она понимает: с нее хватит. Еще одно слово, и всё закончится особенно некрасивой истерикой.

— Я дождусь встречи с Иваном, вот увидите, — обещает Анна, поднимаясь. — Можете отозвать своих ищек.

— Уж позвольте вам не поверить, — усмехается он.

О, как он однажды пожалеет! О своей заносчивости, о своем высокомерии.

А главное — о том, что посмел считать ее другом, а потом, не моргнув глазом, отправил за решетку. Пусть у него такая служба, пусть. Но для чего было в душу-то лезть?..

Она коротко кивает, прощаясь. Мысленно стонет, прикидывая дальний путь до своей ночлежки. Идти придется пешком — денег больше нет, и завтра надо будет с этим что-то делать.

Что-то, очевидно, законное. Нет, она больше не даст Архарову поводов глумиться над собой или запугивать. Пусть он закрыл глаза на ее выходку сегодня, но будет ли так же снисходителен завтра?

Анна шагает по темным улицам и не очень боится всяких мерзавцев — ведь у нее есть личные филеры, присмотрят. Она станет смирной, как овечка. Тем приятнее будет разрушить отдел СТО изнутри.

ГЛАВА 07

Анна всегда немного опасалась угрюмой, нелюдимои Ольги. Семья Тарасовых — мощных уральских купцов-староверов — воспринимала перемены как происки сатаны. Казалось, нетерпимость к механизмам должна была сблизить обеих барышень, но слишком разные им достались характеры. Тем обиднее казалась глубокая связь Раевского и его молчаливой помощницы.

Ольга знала о делах группы больше, чем Анна и Софья, а еще она принимала участие в операциях, о которых остальным даже не сообщали. С Раевским ее не связывали ни дружба, ни даже мимолетная симпатия — это был союз двух людей, которые видели друг в друге исключительно пользу.

— Не капризничай, — отмахивался Иван каждый раз, когда Анна просила доверять ей чуть больше. — Для чего тебе лишние заботы?

Она старалась — действительно старалась — не смешивать всё в одну кучу: чувства, обиды, обязанности, мечты и надежды, но не хватало ни выдержки, ни цинизма, ни опыта. Возможно, если бы она провела с Раевским много лет, то научилась бы у него не терять голову от любви, но им достался лишь один короткий год.

Анна помнит тяжелый блеск изумрудного гарнитура, который одним дождливым днем выложила перед ней Ольга. Массивные серьги, колье, кольцо и две броши — одна для корсажа, вторая для прически. Столько цацек сразу вешали на себя только по особым случаям, и понадобилась вся ее выдержка, чтобы не спросить, откуда этот гарнитур взялся. Явно не из сейфа, о сейфе Анна бы знала, — неужели сняли прямо с какой-то дамы?

— Отнеси это вечером в «Старину», — легко попросил Раевский, на всякий случай холодея голосом. Анна знала эти интонации: «Будь хорошей девочкой и не задавай вопросов. Помни, что на борьбу нужны деньги».

Она заворожено разглядывала окруженный бриллиантами крупный кабошон и не знала, как рассказать о том, что не хочет идти к скупщику.

Басков — всего лишь шестеренка, с шестеренками не ссорятся, но Анна поссорилась. Нет, давешнее столкновение из-за отношения к механизмам они кое-как залатали, но примерно неделю назад Саша ни с того ни с сего принялся чудить. Он больше не излучал теплое дружелюбие, наоборот — стал замкнутым и чужим, хоть и сохранял спокойную вежливость. Однако всё равно давал понять: Анне больше не рады в лавке. Напрасно она ломала голову, перебирая их прошлые разговоры, — кажется, ничем не обидела Сашу, отчего же такие перемены? Ну и пусть, не думает же он, что она станет переживать из-за всяких глупостей!

— Может, нам сменить скупщика? — предложила она Раевскому.

— Отчего же?

— Басков не разделяет наших убеждений.

Он рассмеялся, и даже на замкнутом лице Ольги мелькнула усмешка.

— Аня, Анечка, — Раевский потянулся и поцеловал ее в плечо, — какое тебе дело до того, во что верит, скажем, табуретка? Впрочем, если тебе беспокойно, мы вечером сами наведаемся в «Старину», — и он сунул гарнитур в карман с такой элегантно небрежностью, будто это были дешевые стекляшки.

Раевский верил в чутье — свое или чужое, и никогда не смеялся над предчувствиями.

... Сколько раз она ругала себя потом, что не отправилась сама в проклятую лавку! Ведь именно тем вечером безобидный антиквар Саша Басков предложил простенькое дельце, которое стало крахом группы Раевского.

Анна просыпается от короткого стука, близких шагов, острого ощущения чужого присутствия, пальцы стискивают складной нож часовщика, она распахивает глаза и видит давешнюю тетку, уже без папиросы. Та стоит, подпирая круглым плечом хлипкую конструкцию, заменяющую здесь стены.

— Эй, секция номер шестнадцать, — говорит она, усталая уже с утра, — распишись в ведомости. И сегодня женский день, не забудь.

— Стучаться надо, — Анна резко садится и смотрит на тетку с ужасом. Понимание собственной уязвимости настигает ее со всей очевидностью.

— Надо, — лениво соглашается бесцеремонная визитерша, — я и стучусь.

И она демонстративно клацает костяшками пальцев по доскам.

— В какой еще ведомости? — в голове понемногу проясняется.

— Так уборки на общей кухне.

— Здесь есть кухня?

Ну да, откуда же еще временами прилетают запахи еды? Тетка лишь цыкает согласно.

— А женский день?

— В бане.

— Здесь есть баня?

— Понедельник, среда, пятница, не перепутай. Твоя очередь шваброй махать через неделю, на вот, поставь подпись.

Анна царапает по мятой бумаге коротким карандашом.

— А у вас тут строго, — удивляется она.

— А то, — тетка аккуратно складывает бумажонку за пазуху. — Всё чехарда, а в любом деле главней всего гигиена! Я Зина, кстати, коли ты запомнила, нынче буфетчица при архаровцах, а прежде акушеркой была. Так что зови, коли что.

— Коли что — что? — Анна ощущает себя невероятно глупой, потому что никак не разберет, для чего ей буфетчица или акушерка.

— Коли то, — она весело тарасит глаза. — Девонька, тебе бы молока попить, чахоточная, что ли?

— Да где же его взять-то? — Как назло, Анне немедленно до слез хочется молока, но у нее только краюха хлеба, половину которой придется оставить до обеда.

— Это да, — глубокомысленно кивает Зина, — мы тут все от жалованья до шабашки... Ты куда приписана-то?

— Отдел СТО.

— Двести! — с разбегу впадает в раздражение Зина. — Лыкова обходи по широкой дуге, сволочь он. Прохорову всегда нужно что-то заштопать да стготовить, он бобылем живет, лапы не распускает и платит как порядочный. К Архарову не лезь: Надька у него чисто волчица, вцепится в глотку тут же. Очень она трясется за свое место.

— Так я в штопке и готовке вообще не сильна, — признается Анна. — Механик.

— А коли механик, так чеши к Потапычу, он надьсь жаловался, что у него пар-буржуйка плохо греет.

Если бы Анна еще разбиралась в бытовых агрегатах! Ее учили совсем другому, а оказывается, нужно было чему попроще. Если бы отец заранее знал, что дочь начнет мыкаться по казненным углам и чинить чужие буржуйки, может, с младенчества сослал бы куда в глушь, чтобы глаза бесполезно не мозолила.

Ну ничего, как-нибудь. Одно за другим, а там, глядишь, и...

И — что? Анна понятия не имеет, как будет жить после того, как освободит Раевского и посадит Архарова. Пока и желаний никаких нет, всё одно — мрак да безысходность.

На ступеньках полицейского управления сидит понурый мужичок, свесив голову. Слышит шаги Анны, вскидывается и тут же разочарованно горбится. Она чуть медлит, не решаясь подойти ближе: а ну как бешеный? Выглядит совсем худо, будто из желтого дома сбежал.

— Соловьёв, опять ты здесь, — раздается недовольное за спиной, и она поспешно оглядывается на высокого господина в добротном пальто, от которого неуловимо веет сыском. Уж кого-кого, а эту братию она теперь в любой толпе узнает. Хищные черты лица малость заплыли от сытой жизни, но взгляд у господина острый, опасный.

— Борис Борисыч, — мужик бросается наперерез, едва не сбив Анну, застрявшую между ними, — так ведь Ленку-то схоронить надо по-людски. Неделю она у вас лежит... А убийца-то, убийца уже поймали?

— Идет следствие, — цедит господин, и Анна проскальзывает между ними, спешит ко входу. — Ты, Соловьёв, не мельтеши, понадобится — вызовут...

Она не хочет ничего знать про Ленку, которая где-то лежит, и про то, кем приходится ей этот несчастный. У Анны нет сил на чужое горе, но оно всё равно ее догоняет, потому что мужик вдруг тоненько и страшно начинает подвывать, и невыносимо хочется спрятаться от этого душераздирающего звука. Она уже хватается за потертую ручку тяжелой двери, как чужие цепкие пальцы больно хватают ее за локоть.

— Ну а вы куда собрались, голубушка?

Земля накреняется: вот-вот — и она снова услышит «с видом на жительство не положено». Будто она повсюду самозванка, ни на что не имеет права. С трудом вспоминает: есть ведь в кармане и другой документ, куда надежнее.

— На службу, — отвечает Анна со злостью, ее первой и удивившей. — Да пустите вы!

— Наше управление всё больше напоминает ночлежку, — хмыкает господин, но руки убирает, позволяет Анне потянуть на себя дверь и войти наконец внутрь. Следует за ней по пятам. — Сёма, что мы знаем про данную особу?

— Младший механик у Голубева, — скучным голосом докладывает дежурный жандарм. — Второй день трудятся.

— Совсем Степаныч сбрендил, как у него сына посадили, — морщится господин и, миновав холл, поднимается на второй этаж. Анна потирает локоть, неприязненно провожая добротное пальто взглядом. Припоминает буфетчицу Зину и ее советы, после чего интересуется у дежурного Сёмы:

— Лыков?

— Они, — подтверждает молодой жандарм.

— Наслышана, — зачем-то сообщает ему Анна и сворачивает в мастерскую.

Петя, то и дело вздыхая, собирает швейную машинку. Голубев хмуро читает отчет Анны о выезде к студенту Егору Быкову, нервно барабанит пальцами по столу.

— Доброе утро, — неуверенно говорит она.

— Чего ж в нем доброго, — ожидаемо отзывается Голубев. — Анна Владимировна, зайдите в архив и посмотрите, как правильно оформляются отчеты. Уж больно ваш отчет заковырист, сыскари в нем ни черта не разберут. А сейчас отправляйтесь к сыскарям, у них опять определитель сломался.

Анна молча берет ящик с инструментами и выходит из мастерской. Она понятия не имеет, куда ее спроваживает Голубев, но уточнять нет никаких сил. Заковырист! Можно подумать, она никогда не писала отчетов на отцовских заводах, какая разница, место преступления

это или сломанный агрегат в цеху. Главное ведь смысл, а не форма, а в собственном разуме ей сомневаться пока не приходилось.

— Сыскари. Определитель, — говорит она дежурному Сёме.

— Второй этаж налево, — отвечает он, не отрывая глаз от окна, ведущего на площадь. Анна чуть-чуть заглядывает туда же: несчастный Соловьёв так и стоит на улице, как приклеенный.

Она торопливо отводит взгляд, поднимается по лестнице и поворачивает налево. Дверь к сыскарям открыта нараспашку, высокие узкие пыльные окна неохотно пропускают утренний свет. Всё пространство заполняют массивные шкафы и три старых стола, заваленные бумагами, заставленные пепельницами и черт еще знает чем. Неприятный Лыков, покачиваясь на стуле, читает свежую газету. Прохоров неспешно чистит апельсин, перед ним исходит паром кружка чая. Незнакомый Анне мужчина лет сорока с пышными, густо седыми усами вслух читает из потрепанного журнала:

— На Лебяжьем опять вскрыли два кредитных автомата, в который раз уже за месяц. В магазине на Садовой умыкнули партию хронометров, чистая работа, без взлома. На Вознесенском инцидент с омнибусом... Барышня, вы к нам?

Анна не сразу понимает, что барышня — это она. Ее внимание приковано к узкому петляющему коридору, за которым находятся каморки для допросов. Сколько раз она прошла этим коридором? Сколько часов там провела?

— А это не барышня, — охотно поясняет Прохоров, — вернее, барышня, но не только. Наш младший механик, Анна Владимировна Аристова, прошу любить и жаловать.

— Андрей Васильевич Бардасов, — неожиданно благожелательно представляется уса-тый, — титулярный советник.

Она кивает, потом пугается, что этого мало, и осторожно улыбается.

— Меня Виктор Степанович прислал, — поясняет, показывая тяжелый ящик с инструментами. — Починить определитель.

— Сюда, — Бардасов толкает спрятанную между шкафами дверь, проводит ее в просторную кладовку, где стоит нечто настолько любопытное, что Анна тут же забывает обо всех бедах, очарованная. Это не похоже ни на один механизм, ей известный, это нечто нелепое из чугуна, латуни и черного дерева — будто вдохновенный безумец скрепил вместе части от разных машин. Она узнает массивную станину, похожую на основание печатного станка, увенчанную сложной системой рычагов. Рядом за стеклянной панелью мерцают и переливаются десятки шестеренок, напоминая арифмометр, но в гигантском, почти пугающем масштабе. Машина в два человеческих роста, с паутиной тяг и рычагов, кажется застывшим металлическим чудовищем.

— Господи, что это? — Анна влюбленно проводит пальцами по нагретым механическим манипуляторам.

— А, не знаете, — Бардасов улыбается с легким молодым азартом. — Новейшее детище нашей науки, самый современный способ борьбы с преступностью. Экспериментальный образец, таких штук пять по всей империи, но я верю, что будущее за механизмами. Сюда заносятся светописные портреты всех взятых под стражу. Как оно работает, не спрашивайте, я в этих перфокартах не силен.

Анна, увлеченная изучением штифтов и луп, рассеянно кивает, ей не терпится разобрать это чудовище, понять, как именно оно устроено. Это ведь инженерный шедевр — бездушный, затратный и невероятно сложный в обслуживании, но шедевр. Как же далеко шагнул мир без нее!

— Вот здесь — три точки смазки, про которые явно всё время забывают, а главная при-водная шестерня не рассчитана на сильные перегрузки, — бормочет она себе под нос.

Значит, всё, против чего они с Раевским боролись, развивается и процветает. Никто не подхватил выпавшее знамя, никто не вышел на баррикады. Люди просто приспособились. Собственная жизнь кажется такой смешной, если как следует об этом подумать.

— Вижу, вы знаете, что делать, — одобрительно говорит Бардасов. — Позаботьтесь о нашей любимой игрушке.

И он уходит, оставив ее в блаженном одиночестве. Лучшее время за это утро, за все прошедшие восемь лет: только Анна и то, что она на самом деле понимает и умеет. В сосредоточенности ее работы нет суеты и тревоги, одно успокоение.

Но благодать грубо нарушается резким хлопком двери — реальность снова тут как тут, будь всегда готова к новому нападению.

— Наш-то вернулся от его превосходительства, — интимно шепчет Прохоров, смешно округляя глаза. — Злющий, что сатана, видать, здорово ему накрутили хвост. Анна Владимировна, голубушка, пойдёмте быстрее.

— Куда? — теряется она.

— Александр Дмитриевич собирает отдел на совещание.

— Мне тоже там полагается быть?.. Но к чему?

Прохоров хватает ее под многострадальный локоть, тянет за собой:

— Понимаю, никому неохота. Надо потерпеть, Анна Владимировна, да не вздумайте огрызаться, хуже будет. Я помню ваш характер, норовистая вы...

— Была, Григорий Сергеевич, была. Нынче я и сама не знаю, какая, — с удивительной откровенностью признается она, пытаясь поспеть за ним. Это всё оттого, что Архарова после вчерашнего видеть гадко. Она еще не готова к новой порции унижений, прежние бы с себя смыть.

В кабинете уже все, они с Прохоровым приходят последними. Анна торопливо забивается в самый дальний угол, не поднимает глаз. Можно ли кого-то ненавидеть так сильно, что даже воздуха не хватает?

— Григорий Сергеевич, что у нас? — голос Архарова резок, нетерпелив, и Анна увлеченно начинает воображать, как его только что отчитало начальство и как этот мерзавец потел и краснел на ковре у неведомого превосходительства.

— Новое дело студента Быкова с Вязкой улицы, — рапортует Прохоров. — Да там ерунда какая-то, Александр Дмитриевич. Якобы у него из сейфа украли некое изобретение, способное выводить из строя простейшие механизмы.

— Виктор Степанович, ваше заключение?

— А меня не было на месте преступления, — ехидно информирует Голубев. — Григорию Сергеевичу взбрело в голову взять с собой младшего механика. Вот, извольте взглянуть, что за отчет она начирикала. Какая-то тарабарщина, право слово.

Анна закусывает губу и исподлобья следит, как листы бумаги ложатся на стол. Архаров даже не пытается их прочесть, вместо этого он коротко уточняет:

— Анна Владимировна?

— Всё изложено, — скупно отвечает она, оскорбленная сверх всякой меры поведением главного механика. Она же всё крайне понятно описала!

— Теперь своими словами, — настаивает Архаров.

— Своими словами, — она поворачивает голову и объясняет исключительно Голубеву, — студент Быков создал компактный акустический резонатор, способный вызывать деструктивные колебания в металлических компонентах механизмов. Прибор действует избирательно, на определенной частоте.

— Или же студент Быков сочинил байку про резонатор, — парирует Голубев. — А на самом деле хранил в сейфе украденные цацки.

— Изъятые чертежи подтверждают, что мыслил он в верном направлении и резонатор вполне может существовать. Это действительно опасная штукавина.

— Да неужели? Все граммофоны Петербурга в опасности?

И какое ей дело, в конце концов! Опомнившись, Анна пожимает плечами, не желая тратить усилия, чтобы доказать свою правоту. Такого рода изобретения всегда оставляют за собой след, так что рано или поздно этим заносчивым сыскарям придется разбираться с последствиями. В любом случае, к ней это не имеет никакого отношения.

— Что по сейфу?

Голубев с Прохоровым молчат, и тишина тянется и тянется, а тяжелый взгляд Архарова прилип к Анне намертво, никак не высвободиться. Мутная злость преданной собакой толкается в грудь. Как же он вчера сказал?... «Вы вдруг решили стать образцовым сотрудником? Надеетесь получить медаль?»

Да в конце-то концов! Если они не желают верить эксперту — пусть поверят преступнику!

— Мы с Раевским подобные фокусы проворачивали, — четко говорит Анна. — Лилечка действовала по классической схеме: заказала прибор, а когда студент взбрыкнул — просто прислала подельников. Сейф Рыбакова вскрывается за семь минут, если знать серийный номер. И поверьте, это работа не дилетантов, а специалистов. Мне ли не узнать почерк коллег.

Кажется, можно услышать, как дышит каждый из мужчин в этой комнате. На подоконнике бьется муха. Прохоров неловко крикает, а Архаров невозмутимо кивает:

— Принято. Григорий Сергеевич, отнесите к делу студента со всей серьезностью.

И по тому, как резко сужаются глаза Голубева, Анна запоздало понимает: своими руками она только что разрушила и без того призрачную надежду на спокойную службу.

ГЛАВА 08

Впервые Раевский поцеловал ее на свалке списанных автоматов. Это произошло совершенно неожиданно, и Анна, прежде прятаявшая свои чувства под ста замками, стыдно расплакалась.

После истории со «Стиходеем» в салоне Левина Анна чувствовала себя заинтригованной и смущенной. Раевский с первого взгляда поразил ее воображение не только своей красотой и неуловимым флером таинственности, но и тем, что сразу встал на ее сторону.

Напрасно она пыталась о нем всеведущую Софью, та лишь смеялась в ответ и рассыпала щедрые намеки: мол, судьба — такая решительная дама...

Записка прилетела через неделю. Обыкновенный ухажер прислал бы барышне цветы, Раевский подарил Анне приключение.

На дорогой бумаге было выведено решительным почерком:

«Милая Анна Владимировна. Вчера в Летнем саду с помпой открыли „поющего паяца“, но его мелодии так скучны. Я посылаю вам подлинный гимн нашей эпохи — и пусть его услышит весь город.

Искренне ваш И. Р.».

К записке прилагалась изящная коробочка из серебра — слишком дорогая, чтобы служить простой оберткой, и слишком дешевая, чтобы представлять истинную ценность. Внутри находился бережно укутанный в бархат перфорированный цилиндр, чьи свинцовые штифты хранили партитуру. Анна не знала, какая мелодия на нем записана, но предчувствие чего-то необыкновенного взволновало ее.

Разумеется, она была слишком занята для подобных глупостей. Взламывать городской автомат ради забавы человека, с которым виделась всего однажды? Нет, Анна решительно не собиралась влезать в такую безответственную авантюру. Она была обучена чинить механизмы, а не портить их.

Тем не менее на следующий день она обнаружила себя в Летнем саду прогуливающейся вокруг злополучного «паяца».

Что за безвкусица! В глаза поневоле бросались детали: доступ к механизму мелодического валика прикрыт латунной запорной пластиной, которая крепилась на четырехгранном винте. Пластина аккуратно подогнана, но не замаскирована — явно для регулярного обслуживания городскими мастерами... Но что делать с праздной публикой? Здесь слишком людно для диверсий. И Анна задумчиво оглядывалась по сторонам, прикидывая, как могла бы провернуть этот трюк... Просто теоретически.

Отвернувшись от автомата с его дурными мелодиями, она принялась наблюдать за работой фонтана. Вода из бассейна подавалась вверх, к чаше нимфы. Давление и напор регулировались системой клапанов и золотников, а избыточное давление стравливал предохранительный клапан... Анна зажмурилась в полном отчаянии. Какая барышня ее возраста, глядя на мраморных нимф, играющих в гроте, подумает о клапанах? Неужели она превращается в такого же сухаря, как и отец?

Ночь прошла без сна, Анну бросало то в жар, то в холод, она снова и снова вспоминала теплый взгляд Раевского и его «браво!» на грани восхищения и нежности. Спрашивала себя: сомневается ли он, что она ответит на вызов? Или уверен в ее дерзости? Стоит ли оскорбиться на такое наглое предложение или почувствовать себя уникальной, не такой, как другие? Неужели этот человек разглядел в Анне то, чего она сама про себя еще не знала?

На следующий день фонтан в Летнем саду буквально взбесился, извергая на переполненных дам и кавалеров потоки воды. Заменить в этом хаосе звуковой цилиндр в «паяце» оказалось делом пары минут. Анна уже отошла на несколько шагов, когда автомат громко и весело заиграл новую мелодию. Ту, что Раевский назвал подлинным гимном эпохи, — похоронный марш.

Наутро, читая в газетах о переполохе в Летнем саду — мокрой публике, впадшем в траур «паяце», Анна совершенно по-детски ликовала. Так весело ей не было уже много лет! Теперь она ждала с нетерпением и замираньем сердца: что же Раевский предложит ей в следующий раз?

Совещание продолжается, и Анна пользуется тем, что про нее временно все забыли. Она помнит свою главную цель: разрушить отдел, карьеру и жизнь Архарова. Для этого ей нужно понимать, как тут всё устроено. Прислушивается внимательно, вглядывается в лица мужчин пристально.

— Что по делу Соловьёвой? Кажется, ее брата я встретил при входе?

— Надоел хуже горькой редьки, — кривится неприятный Лыков. — Вынь да положь ему Ленку... К счастью, Виктор Степанович дал заключение, оформляем как несчастный случай, Александр Дмитриевич. Вот, полюбопытствуйте.

Этот отчет Архаров читает. Задумчиво листает страницы, не спешит с вердиктом.

— Вы как хотите, — хмуро вмешивается Прохоров, — но я чуйкой чую, что молодая здоровая женщина не откинулась бы вмиг безо всякой причины.

— Вашу чуйку к делу не пришьешь, — резко возражает Лыков, и Анна догадывается: этот спор не первый, они уже языки стерли, ругаясь друг с дружкой. — Что вы от меня хотите? Соловьёва была дома одна, дверь оказалась запертой изнутри, следов взлома нет. Всё обыскали на предмет ядов — пусто. Механики разобрали на винтики швейную машинку, на которой она строчила. С машинкой всё в порядке, ни отравленных игл, ни отравленных ниток... Заключение судебного врача... да где же оно... — он роется в папке, которую держит на коленях, а потом торжественно читает: — «Скоропостижная смерть последовала, по-видимому, от острой сердечной слабости. Вместе с тем, принимая во внимание внезапность и характер

паралича, допустимо отравление веществами, не оставляющими после себя морфологических следов, как то: алкалоидами растительного происхождения или летучими токсичными соединениями...»

— Иными словами, хрен его знает, — разводит руками Прохоров. — Вот за что я ценю наших эскулапов, так это за точность. А вы, господа сыскари, уж сами разбирайтесь, что к чему.

— Григорий Сергеевич, неужели у вас своих дел мало? — сердится Лыков. — Что вы к моему-то пристали?

Архаров не вмешивается в эту перепалку, и это кажется странным. Он же тут вроде главный, так чего не разнимет своих псов?

— Господа, господа, — укоряюще тянет Голубев, — пусть кто-нибудь еще раз осмотрит тело. Вдруг всё же пропустили царапины или любые другие повреждения. Да хоть Анна Владимировна, раз уж она так и рвется в бой.

— Кто? — изумляется Прохоров.

А Анна совсем не изумляется. Чего-то такого она и ожидала от рассерженного начальника. Ну конечно, почему бы не отправить механика в мертвецкую! Там ей самое место.

— Барышня не в кофейню работать пришла, — улыбается Голубев. — Лучше бы ей побыстрее привыкнуть к мертвецам, не ровён час Григорий Сергеевич ее дернет на новое место преступления, а там ведь всякое бывает. Нюхательных солей при себе не держим.

— Ох и мстительный ты, Степаныч, — сокрушается Прохоров. — Подумаешь, взял твоего сотрудника без спросу! Теперь еще год будешь нудеть.

Архаров поднимает голову от отчета, но смотрит исключительно на неприятного Лыкова.

— Борис Борисович, — говорит он, — погодите с заключением. Все данные по делу — ко мне на стол. Утренняя сводка у кого?

— Вот, — Бардасов ловко протягивает ему журнал. — Я возьму кредитные автоматы на Лебяжьем. Сейчас же с Петей туда отправимся...

К обеду Анна чинит определитель, доедает последнюю половинку краюхи хлеба, стоя в закутке между мастерской и кладовкой, надевает пальто и спрашивает у дежурного жандарма Сёмы, как добраться до мертвецкой.

Ответ ей очень не нравится: до Второй барачной больницы тащиться долго, а пальто теперь совсем плохо греет, осень лютует в северном городе.

Анна сворачивает с официальной Офицерской через набережную Екатерининского канала на шумную Садовую, где грохочут тяжелые пар-экипажи, лязгают цепи механических конок, разночинный народ — чиновники, торговцы, городовые, приказчики — несется, как на пожар. Юрко уворачиваясь от чужих локтей, она очень торопится, изо рта вырывается пар, и даже мертвецкая теперь кажется приятным местечком, если только ей плеснут там кипятка.

Она ютится в одноэтажной пристройке к больнице, Анна находит дорогу легко, просто следует за рельсами для трупной тележки. Цинковая табличка гласит: «Судебно-медицинский патологический кабинет. Прием тел для экспертизы с 9 до 15 час.».

Ну надо же, даже для покойников существуют правила!

Приходится приложить усилие, чтобы толкнуть тяжелую дверь. И сразу едва не сшибает удушливым приторно-сладким запахом с примесью гниения и химической едкости, от которой тут же начинает свербеть в носу и горле.

В тусклом свете электрических ламп Анна осторожно идет узким коридором под монотонное шипение паровых труб, бегущих вдоль стен. Откуда-то доносится пение, она разбирает мелодию романса «Я встретил вас — и всё былое», отчего на душе становится чуть спокойнее. Двигаясь на голос, она попадает в просторную комнату, заставленную полками с ретортами, склянками и колбами. Возле стола стоит невысокий, круглый, совершенно седой муж-

чина лет этак шестидесяти. Старомодные бакенбарды придают ему сходство с благодушным трактирщиком старой закалки. Он медленно, капля за каплей, добавляет в янтарную жидкость (коньяк?) реактив из пипетки, внимательно наблюдая за изменением цвета.

— Как поздней осени порою бывают дни, бывает час, когда повеет вдруг весной и что-то встрепенется в нас... — допевает он с душой, а потом сообщает сам себе: — Нет-нет, ваше высокоблагородие, цыкуты здесь не будет... А вот мышьячок... мышьячок, голубчик, сейчас мы тебя и вычислим... — после чего капает реактивом в пробирку. Жидкость остается чистой, без помутнений. — И мышьячок, видать, в отпуске...

Он проводит еще несколько проб, кивает одобрительно, затем, отложив пипетку, с деловым видом достает из ящика стола граненый стакан, щедро наливает туда коньяка из початой бутылки и одним уверенным движением опрокидывает ее в себя.

— М-да... — выдыхает с наслаждением, закусывая соленым огурцом с блюдечка. — Весенний букет, нотки дуба... Вполне себе.

Тут он замечает наконец Анну и, ни капли не смущаясь, расплывается в улыбке:

— Чем могу служить?

Она, онемевшая от увиденной сцены, торопливо нащупывает в кармане служебный пропуск, искренне надеясь что он поможет ей просочиться в этот уютный мир, где поют романсы и не относятся к ней как к прокаженной.

— Младший механик Аристова, — читает мужчина, хмурится, потом поднимает ясный взгляд. — Как же, как же! — восклицает он. — Я вас прекрасно помню. Громкое вышло дело!

— Громкое, — неохотно соглашается Анна, удрученная тем, что пропуск не помог. Она снова не сотрудник, а всего лишь преступница.

— Наум Матвеевич Озеров, — безмятежно представляется мужчина, — местный судебный врач. М-да, — огорчается он, разглядывая ее. — Прежде у вас были такие очаровательные пухлые щечки... Вы, кажется, совсем замерзли. Чаю или коньяку?

— Чаю, — радуется Анна.

Он отворачивается к закутку, где стоит чайник, рассуждает:

— Вот уж неисповедимы пути... Как же вас, Анечка, занесло к Архарову?

— Да ведь после возвращения мне идти некуда, — она садится за стол, поближе к теплой трубе, греет руки, отогревается вся. Давно ей не встречался человек, с которым действительно хочется разговаривать.

— Главное, что вернулись, — глубокомысленно отвечает Озеров. — Немногим удастся. Каторга, она ведь беспощадна, если и выживешь, то перемелешься...

— Я отбывала на навигационной станции «Крайняя Северная», — объясняет Анна. — Это побережье Карского моря. Важный казенный пост, полная изоляция от мира. Кроме меня, там был только старик шифровальщик, осужденный за растрату. Раз в несколько месяцев дежурные суда привозили нам депеши и провизию, зимой всё доставляли ездовыми собаками.

— Повезло, — Озеров ставит перед ней кружку со сколотыми краями и трещинами, зато с горячим крепким чаем внутри. — У меня есть котлетки, но пока не предлагаю. Вы, полагаю, по делу пришли... Как вы вообще переносите покойников, Анечка?

— На этапе, Наум Матвеевич, покойников не хоронили, — ровно отвечает Анна, не позволяя себе думать о долгой невыносимой дороге от Петербурга до станции. Полгода ада! — Их сгружали в сарай или просто в канаву у пересыльного пункта и оставляли. Лежат себе, ждут, пока наберется партия. — Она делает глоток обжигающего чая, чувствуя, как жар растекается по груди. Всё уже прошло, всё миновало. — Поэтому предлагайте свои котлетки, я нынче не брезгливая и не гордая.

Он тихо смеется и вдруг гладит ее по волосам. Анна вспоминает дедушку — не отцовского, строгого, а мамино, ласкового. Едва не подставляется под теплую ладонь, но в последнее мгновение отдергивается, опускает ресницы.

— Разогрею, — Озеров снова отходит к кухонному закутку, шуршит бумажной оберткой.

— Так что Виктор Степанович Голубев очень просчитался, когда решил, что наказывает меня покойницей, — с усмешкой заключает Анна.

— Голубев добрейшей души человек, только совершенно разбит из-за Васьки. Вы, Анечка, не принимайте к сердцу, он ведь один сына поднимал, всю душу вложил. А тут такая глупость, и нате вам — пять лет! Ваш-то батюшка, поди, тоже все эти годы места себе не находил. Зато хоть теперь спит спокойно...

Он оглядывается, подмечает, как каменеет лицо Анны, вздыхает:

— Неужели так и не повинились перед ним? Как непереносимо жестока молодость.

— Голубев прислал меня еще раз осмотреть Соловьёву. Господа сыщики никак не могут решить, сама она умерла или помог кто, — резко сворачивает Анна с нежеланной темы.

— Осмотрим, — без раздражения соглашается Озеров, — только без толку ведь. Я свое дело знаю, не пропустил бы ни царапинки, ни укола.

Он приносит ей тарелку со сдобным хлебом и домашними котлетами, тремя рассыпчатыми картофелинами и солеными огурчиками.

Анна готова признать, что обожает этого человека. Ест, бросая благодарные взгляды и неловкие «спасибо», ерзает под его внимательным и сочувствующим взглядом.

— Это ваша единственная одежда, — даже не спрашивает, а подмечает Озеров, — больно уж не по сезону. Околеете до весны.

— Мне бы только до жалования дотянуть.

— Тю! Сколько там у вас? Поди рубликов сорок, а то и тридцать? А сахар уже по двенадцать копеек за фунт... Погодите-ка.

И он поспешно скрывается за дверь.

Анна озадаченно смотрит ему вслед и только сейчас понимает, что так и не узнала, сколько ей положено. До вчерашнего дня деньги ее слишком мало интересовали, их ведь так легко было взять.

Озеров возвращается с добротным пальто в руках. В глаза бросаются мех на воротнике, вывороченный наружу теплый подклад и темно-зеленое шерстяное сукно.

— Вот, — он практически осматривает Анну, — чуть великовато будет, да на вырост. Бока вам надобно наедать, душа моя.

Она часто моргает и не решается спросить, кто носил эту одежду прежде. Логика подсказывает, что ответ ей не понравится. Впрочем, средств на обновления всё равно нет, а если обноски и с плеча какой-нибудь покойницы, так что с того? Хуже пальто от этого не становится.

— Когда я стану толстой и сытой, научусь каждую неделю печь вам пироги, — обещает Анна.

Он смеется:

— Боюсь, моя старуха вас пришибет. Ревнивая мегера, что с ней делать.

Анна ее понимает. Таких вот озеровых следует ревновать, беречь и никому на свете не отдавать.

Они направляются в мертвецкую, да не доходят. В узком коридоре пошатывается тот самый Соловьёв, которого Анна утром видела на Офицерской. Несчастный брат покойной швеи. Его лицо, землисто-серое от горя, блестит мелкой испариной.

— Доктор... Ленку мою... — слова путаются, рот кривится судорогой. — Положить бы с мамкой и папкой. Она ведь тут совсем одна, бедная...

— Братец, да ты сам еле на ногах стоишь, — Озеров стремительно подходит к нему, кладет пальцы на шею, проверяя пульс.

— Да это... Голова мутится с отчаяния...

— Анечка, бегите в приемный покой, — отрывисто велит врач, — сразу налево и прямо. Скажите, что человек в кризисе, острое отравление. Да побыстрее.

Она послушно срывается с места, протискивается между стеной и мужчинами, слышит позади:

— Цианоз, кислорода не хватает. Дыши, братец, дыши глубже...

Анна подбирает юбки, бьется плечом о косяк, несетя, оскальзываясь на выбоинах тротуара. Что ей едва знакомый Соловьёв? Успеть бы только...

ГЛАВА 09

— Тебе не кажется, что мы мыслим слишком мелко? — спросил однажды Раевский. Анна приподнялась на локте, чтобы заглянуть ему в лицо — не шутит ли.

Судя по всему, он был совершенно серьезен.

— О чем ты говоришь? — уточнила она с некоторой опаской.

— Все наши демонстрации, представления, громкие заявления... — он пренебрежительно отмахнулся, будто речь шла о полных пустяках. — Мы рушим автоматы, которые уже созданы. Что, если вмешаться раньше?

— Когда раньше? — Анна всё еще не могла понять, о чем идет речь.

— На заводах. Аня, вообрази: мы внесем незаметные глазу поправки в чертежи стопорных клапанов пар-экипажей. Не в сами клапаны — только в допуски при сборке. Буквально на толщину волоса, — Раевский говорил мягко, почти нежно, водя пальцем по воображаемому чертежу в воздухе. — Они будут работать как надо... первые месяцы. А потом, при постоянной нагрузке, в металле появятся невидимые трещины.

Онемев от ужаса, она быстро представила, к каким массовым жертвам подобная выходка приведет. Раевский, увлеченный своими мечтами, продолжал, ничуть не смущаясь:

— Никаких взрывов... Просто тихий свист пара и постепенное падение давления. Экипажи будут останавливаться посреди улиц, создавая хаос... И все увидят: даже самые совершенные механизмы, вышедшие с заводов Аристовы, неидеальны. Это будет крах твоего отца.

— Только попробуй хотя бы приблизиться к заводам моего отца, — глухо проговорила Анна, впервые в жизни возражая и даже угрожая Раевскому.

Он повернулся к ней, насмешливо блестя глазами:

— Моя маленькая лицемерка! Так легко бороться с механизмами, если это не угрожает благополучию твоей семьи... Хорошо, я не трону твоего отца, но ответь мне тогда, Аня, честно: думала ли ты хоть раз о том, что станет с ним, если такие, как мы, победят? Без механизмов его заводы попросту встанут.

— Встанут, — она отвернулась от него, пытаясь сдержать клекот гнева и страха в груди. — И тогда он вернется домой.

Тихий смех ударил по ушам, как выстрел. Оскорбительный, язвительный, он не имел ничего общего со всегда теплыми интонациями Раевского.

— Ты готова перевернуть весь мир, чтобы твой отец хотя бы взглянул на тебя, — он ухватил ее за подбородок, заставив посмотреть на себя. В близких ореховых глазах полыхало что-то безумное. — Моя одержимая Анна... Но ведь только я во всем мире вижу тебя и знаю тебя. У тебя никогда не будет никого, кроме меня.

И он поцеловал ее с такой злостью, что лучше бы укусил. А потом вдруг стал холоден и безразличен, и Анне понадобилось несколько недель, чтобы с ним помириться. Она глотала слезы и ластилась, потому что ощущала себя бесконечно виноватой за робкую попытку бунта.

«Раевский прав, — с горечью говорит себе Анна, возвращаясь в казенный ночлежный дом. — Всегда прав. У меня никогда никого не будет, кроме него».

Она так истово ненавидит то, во что превратилась, что не испытывает к себе ни жалости, ни снисхождения. Возможно, ей немного жаль прежнюю Аню — порывистую и доверчивую,

убитую на суде. Но к Анне сегодняшней нет ни малейшего доброго чувства — всего лишь человек второго сорта. Удивительно ли, что все ее отвергают?

Единственный, кто всё еще готов принять ее, всегда готов, обещал никогда не отказываться, находится в Петропавловской крепости. И пусть пока ей до него не дотянутся, однажды она найдет способ.

Надо просто стиснуть зубы и завоевать доверие отдела СТО.

Она стучит в кабинет Потапыча, а сама обещает себе с завтрашнего дня быть приветливее с Прохоровым. Попробовать подружиться с Петей. Примириться с раздражительностью Голубева.

Анна должна стать полезной, действительно полезной, а не простой наблюдательницей, как сегодня.

Это страшно — разговаривать с людьми и браться за работу, которую она презирает. Сыщики, псы государевы, тупые и злобные, они не знают, что такое свобода.

Комендант разглаживает усы, шуруется недоверчиво — правда механик? А чего такая тощая? Но он всё же дает ей работу, и несколько часов Анна прилежно чинит всё, что ей приносят: пар-буржуйки, часы, примусы, механические мясорубки. Кто-то расплачивается с ней тарелкой супа, кто-то — деньгами, и в итоге у нее целых полтора целковых. Это означает, что в ближайшие несколько дней Анна не будет голодать.

Она приходит в баню последней. Так натоплено, что хочется выскочить снова в предбанник, где дует изо всех щелей. Это простой сруб, наспех прилепленный к задней стене здания. Здесь тоже нет запоров, но Зина клянется, что мужики в этот день и близко к бане не подходят. Один глазастый сунулся полгода назад, но был так избит, что едва отходили. Правила здесь строгие, иначе никому не выжить в такой тесноте.

Анне неуютно: она голая, между ней и миром — всего лишь две жалкие двери, кто угодно может открыть. Зинины заверения не кажутся такими уж надежными, но она всё равно заставляет себя распластаться по лавке. Дышит влагой и березовыми вениками, слушает, как шипит кипяток в баке, как трещат дрова в печи. Когда становится совсем невыносимо, охлаждает себя студеной водой, стирает белье, радуется забытому кем-то крохотному куску дешевого мыла.

С завтрашнего дня, напоминает себе, ложась спать и укрываясь колючим одеялом, с завтрашнего дня ты станешь новым человеком, младший механик Аристова.

Утро в отделе СТО начинается бурно. Анна едва успевает войти в мастерскую, как Петя тут же ее подхватывает и тащит наверх, к сыскарям.

— У-у-у, сегодня все сами не свои, — наскоро шепчет он. — Прохоров с Лыковым изволили кричать, как потерпевшие. И чего только не поделили...

Наконец-то она осведомлена чуть больше других.

— Вчера Соловьёв попал в больницу с острым отравлением. Я как раз в мертвецкой у Озерова была, — сбивчиво сообщает в ответ. Собиралась же с Петей дружить! Значит, хотя бы следует разговаривать.

— Ух ты! — впечатляется Петя. — Дело со швейной машинкой, да? Ничего себе!

Она невольно отодвигается от него, пораженная эгоистичным мальчишеским восторгом. Ей жаль несчастного Соловьёва, который просил даже не о справедливости, а лишь о возможности похоронить сестру Ленку. Возможно, Анна впервые так близко столкнулась с чьим-то горем, да и где бы ей? На этапе они все были скорее нелюдьми, и множество трагедий сплелись в одну монолитную усталость.

Весь отдел снова в кабинете начальства, и атмосфера тяжелая, гнетущая. Неприятный Лыков бледен и сердит, Прохоров, наоборот, раскраснелся и явно нацелен на ссору.

Архаров еще более мрачен, чем обычно.

— Итак, — он бросает короткий взгляд на вошедших Анну и Петю, но обращается к сыскарям: — Соловьёв этой ночью скончался в больнице.

Анна прерывисто ловит губами воздух. Значит, напрасно она вчера бежала, срывая дыхание, напрасно умоляла врачей поторопиться. Значит, некому будет теперь хоронить Ленку.

Смерть так внезапна и так безжалостна, и от этого понимания некуда отвернуться.

— ...Теперь у нас два покойника вместо одного. Отчет Озерова говорит о том, что яд содержался в ткани рубашки, в которую был одет брат первой жертвы. Из этой же ткани его сестра шила большой заказ на простыни. Борис Борисович, вы ведь исследовали ткани?

— Это же всего лишь тряпки, — выдавливая из себя неприятный Лыков, враз потерявший всякую самоуверенность. — Тряпки не убивают людей.

— Вполне себе убивают, если в них содержатся смертельно вредные красители.

Архаров листает папку, лежащую перед ним, страницы шуршат, Прохоров вдруг бормочет гневно:

— Ведь можно было спасти хотя бы брата, если бы...

— Да заткнитесь вы! — срывается неприятный Лыков. — Можно подумать, у вас никогда не было ошибок! Напомнить, что в прошлом году?..

— Тише, — обрывает его Архаров. — Борис Борисович, почему вы не изъяли ткани из комнаты Соловьевой и не отправили их химикам?

— Не посчитал нужным, — цедит тот, отворачиваясь.

— Швейную машинку, стало быть, механикам отправили, а ткани пропустили?

Пальцы Архарова выстукивают сложную мелодию по бумагам. Анна смотрит на них и ждет: чем закончится этот разнос?

Она вовсе не удивлена небрежностью Лыкова: полиция только и горазда, что считать теплые трупы, тут никто не станет стараться, чтобы кого-то спасти.

— Ближайшие полгода, Борис Борисович, все ваши дела будет курировать Прохоров. Считайте, что вы снова на испытательном сроке, — выносит вердикт Архаров.

Лыков бледнеет еще сильнее, почти в белизну, Анна и не знала, что люди так умеют.

— Это нечестно, Александр Дмитриевич, — он всё еще не собирается сдаваться. — Никто бы не...

Но Архаров его больше не слушает, ему неинтересно.

— Андрей Васильевич, немедленно берите жандармов и отправляйтесь на ткацкую фабрику, вот предписание на производство обыска, — Архаров протягивает Бардасову бумаги. — Разберитесь там, сколько партий и куда отправлено, кто и зачем придумал добавлять яд в краситель. Боюсь, что жертв может стать больше.

— Конечно, — Бардасов тут же встает и спешит к выходу.

— Можно я с ними? — подает голос Анна, верная решению быть полезной. К тому же Бардасов из сыскарей ей нравится больше других: не такой противный, как Лыков, и не такой прилипчиво-бесцеремонный, как Прохоров.

— Какой от вас там толк? — резко отзывается Архаров, — Нет, Анна Владимировна, для вас у меня другое задание. Вчера Григорий Сергеевич задержал ту самую Лилечку, которая заказала студенту Быкову резонатор в виде бонбоньерки.

— Дал объявление в газетенку, что требуется актриса для домашнего представления, — ухмыляется Прохоров. — Она сама телефонировала! Вот чего я не люблю — так это бегать за мерзавцами. То ли дело, когда они к тебе готовенькие добровольно приходят... Вы же понимаете меня, душенька, — он нагло подмигивает, — Раевский ведь тоже добровольно пришел к антиквару Баскову. Плести паутину надо с умом.

Как будто кипятком кто-то плещет в лицо и грудь, так становится жарко. Анна обещает себе: Прохорова она тоже не пощадит. Для чего он снова и снова сыплет солью ее незажившие раны?

Архаров не обращает на эту болтовню внимания.

— Анна Владимировна, — спокойно говорит он, — отправляйтесь вместе с Григорием Сергеевичем на допрос этой Лилечки.

Она стискивает зубы, не позволяя оскорблениям вырваться наружу. Сволочь, какая же он сволочь. Значит, так решил наказать за проступок с библиотекой? Отправляет ее в те самые допросные, где когда-то Анна сама была на месте Лилечки? Она ведь даже посмотреть в конец коридора страшится, чтобы не утонуть в кошмарах! Как Архарову всегда удается ударить в самое больное?

— А там от меня какой толк? — дрожь в голосе не удается подавить, и Петя оглядывается с удивлением, а Голубев едва заметно морщится, как от фальшивой ноты.

— Кому, как не вам, быстрее разгадать воровку и лгунью? — пожимает плечами Архаров.

Прохоров, всё еще ухмыляясь, с дурашливым почтением распахивает перед Анной дверь.

— Прошу! — провозглашает он. — Допросы — это нудно, но куда деваться, голубушка. Служба.

Она выходит из кабинета, не веря, что тело всё еще слушается ее. Идет как по тонкому льду, опасаясь вот-вот провалиться под воду.

— Я ее нарочно целую ночь промариновал в каталажке, — хвастается Прохоров. — Так сговорчивее будет...

— Я не могу, — Анна хватается за стену, всё вокруг темнеет, плывет. — Григорий Сергеевич, я действительно не могу, пощадите!

— И придумали вдруг в трепетную барышню играть, — он машет перед ее лицом папкой с делом, как веером. — Всё от того, Анна Владимировна, что вы по-прежнему ставите себя на место преступницы. А вы ведь уже совсем на иной стороне.

— Так может, вы перестанете напоминать мне о прошлом при каждом удобном случае? — она яростно отводит его руку с папкой от себя.

— Отчего же? — Прохоров даже не притворяется смущенным. — Прошное у вас, Анна Владимировна, весьма занятное, хоть садись книжку пиши. Признаюсь, в свое время вы меня изрядно впечатлили своим молчанием. Мало кто способен на такое упрямство. Уж точно не...

— Григорий Сергеевич, потише, — прерывает его Архаров. Он стоит на пороге своего кабинета — высокая фигура в темном форменном сюртуке с серебряным шитьем. Все остальные носят штатское, и только этот человек не расстается с символами своей власти.

Подумаешь, люди разговаривают за стеной, такой требовательный, все-то ему мешают. И Анна невольно выпрямляется, чтобы не радовать мерзавца.

Прохоров энергично салютует и слегка подталкивает Анну в спину, договаривает в самое ухо:

— Ну же, я знаю, на что вы действительно способны, не прикидывайтесь.

И она снова вступает на тонкий лед: шаг, еще шаг.

А на что, собственно, способна?

Обещала ведь себе стараться изо всех сил, но как же быстро едва не сдалась!

— От меня вы и слова не дождетесь, — предупреждает она Прохорова. — Допрашивайте эту несчастную сами, без моей помощи.

— Это просто удивительно, — бормочет он, — вы совершенно не видите разницы между плохим и хорошим. В несчастных у нас числится студент Быков, это его обманули и обокрали. Умоляю, не перепутайте.

Она молча берет стул и ставит его в самом дальнем углу. Вдруг понимает, что страх жил только в ее голове, а в самой допросной нет ничего ужасного: обычная казенная комната с

безликими стенами. Ужасно то, что здесь происходит. Но Анна помнит, как Прохоров ведет допросы — монотонно и надоедливо, однако нисколько не агрессивно. Что же, если станет совсем невыносимо, можно просто покинуть это место. Теперь у Анны есть такое право. Ведь правда есть?

Лилечка уже не молодая красавица, а весьма потасканная жизнью дамочка глубоко за тридцать. За ночь в кутузке румяна и сурьма размазались по лицу, добавляя ей возраста и неопрятности. Тем не менее она сидит в вульгарной раскованной позе, покачивает туфлей и выглядит нисколько не встревоженной.

— Итак, Лидия Петровна, как вы познакомились со студентом Быковым?

— Так на набережной... Он гулял, я прогуливалась. Самое обыкновенное дело, — спокойно ответила дамочка, безуспешно пытаясь поправить прическу. — Право слово, хоть бы умыться сперва дали, господин сыскарь.

— Для чего или кого вы попросили его создать резонатор?

— А что такое «резонатор»? — брови Лидии изумленно ползут вверх. Сейчас она напоминает Софью, какой та стала бы, коли выросла бы на улицах. — Егор вечно какую-то чепуху нес, а я делала вид, что мне интересно. Мужчины же любят, когда их гениальность оценивают...

— Резонатор — устройство в виде бонбоньерки.

— Это была шутка, милейший, — Лидия звонко смеется. — Ну скажите, какой нормальный мужчина станет делать даме конфетницу, которая портит граммофоны? А он... — и она рисует в воздухе изящный жест, словно отпуская дымок папиросы, — оказался совсем без чувства юмора.

Фальшивая, какая же она насквозь фальшивая. И ведь главное, Прохоров тоже понимает, что ему врут прямо в лицо, однако слушает, охотно кивает.

— Стало быть, вас никто не подкупал? — уточняет он невозмутимо.

— Ну разумеется, — обрадованно соглашается она. — Я девушка свободная, отчего же не закрутить со студентом? А что про мужа придумала, так это для того, чтобы он не цеплялся ко мне как репей. Кто же знал, что он окажется таким одержимым...

«Моя одержимая Анна», — всплывает в памяти, и понять бы еще, где любовь превращается в болезнь.

— Вы уж, ваше благородие, — Лидия улыбается кокетливо, беспомощно, — не принимайте слова Быкова всерьез. Он же совершенно сумасшедший, бог знает, какие фантазии бродят в его голове. Разве можно поверить, что этот мальчишка способен придумать что-то выдающееся?

Анну передергивает от отвращения. Студент Быков — блестящий, перспективный талант с ясным умом, это понятно каждому, кто только взглянет на его чертежи. И вот какая-то потасканная дамочка так нагло на него возводит поклеп!

— Вы поставили ему конкретную задачу, — не выдерживает Анна, оскорбленная за мальчишку сверх всякой меры. У него же блестящее будущее, если не помешают! И она была такой же... да только не удержалась. Пусть Прохоров сколько угодно победно улыбается, сейчас ей нет до него никакого дела. — Не просто испортить граммофон, а создать устройство, способное выводить из строя простые механизмы. Маленькое, незаметное, в виде бонбоньерки. Для кого? Кому нужно оружие, которое можно пронести на светский раут, в театр, в канцелярию?

— Вот уж глупости, — не моргнув глазом отпирается Лидия. — Он сам ко мне пристал со своими дурацкими идеями! Я просто отшучивалась! А он помешался на своей механике, всё что-то рисовал и рисовал...

Анна вспоминает чертежи Быкова — сложные, выверенные, понятные. Такое не рождается само собой. Тут кто-то учил, направлял... И она едва не подпрыгивает от того, как же всё может оказаться просто.

— Откуда заказчик узнал о Быкове? — Анна поворачивается к Прохорову, охваченная своей идеей. — Он ведь просто студент, бедный, никому не известный. Не сын министра, не наследник состояния. Просто талантливый юноша. Кто, кроме самого узкого круга, мог знать, на что он способен? Кто мог поручиться, что он справится с такой специфической задачей?

— И кто же это? — подаваясь к ней, мягко подталкивает ее Прохоров. Лидия растерянно таращится на них и явно начинает волноваться.

— Тот, кто хорошо понимает талант Быкова. Его преподаватель.

Прохоров смеется, склонив голову набок. И в эту минуту совсем не кажется отвратительным.

ГЛАВА 10

— В следующем году отец рассчитывает добиться перевода в Рим, — сластена Софья прямо на ходу развернула кулек, только что купленный у лоточника, и протянула Анне кусочек пастилы.

К Таврическому саду подкрадывался сумрак. Они не часто встречались втроем в публичных местах — Раевский предпочитал собирать их в закрытых стенах, без усталости повторяя, что между дочерью посла, дочерью заводчика и дочерью уральского старовера не должно быть ничего общего. Сам он жил на широкую ногу, в его доме можно было встретить кого угодно, что считалось самой удобной маскировкой.

Однако время от времени Раевский допускал такие вольности, настаивая на том, что группа станет более слаженной, если ее участницы узнают друг друга поближе. Ольга воспринимала подобные девичьи променады хуже остальных, вот и сейчас опаздывала. Так что Анне приходилось в одиночку выносить жизнерадостное стрекотанье Софьи.

— Рим, конечно, лишен парижского лоска и петербургского размаха, — продолжала та, — да и модные новинки добираются туда с опозданием на добрых два сезона... Говорят, у итальянцев до сих пор в ходу эти валансьены с целыми оранжереями под тульей — чучела птиц, вообрази? Искусственные розы величиной с кочан капусты! Настоящее варварство... Но по крайней мере, солнце там выглядывает куда чаще, чем в этом промозглом городе... Поедешь со мной, Аня?

— Куда? — она никогда не вслушивалась в Софью болтовню и потерялась в беседе.

— Да в Рим же, — нетерпеливо сказала Софья. — Ты же не веришь, что мы сможем играть в бунтовщиков вечно? По мне, так покинуть Петербург кажется очень предусмотрительным.

— Но Иван уверен, что на нас никогда не выйдут, — возразила Анна. — Полиция нерасторопна, а мы все на виду... Кто поверит, что ты или я ввязались во что-то незаконное? Да мы каждый месяц обедаем с обер-прокурором Святейшего Синода... — тут она вспомнила, как аскетично кормили на этих скромных обедах, и утащила у Софьи еще один кусочек пастилы.

— И всё же имей в виду: если однажды за тобой придут мужланы в синих мундирах, прикинься дурочкой, Аня. Скажи, что была влюблена в Ивана, что вас связывает лишь страсть... А если ты что-то и чинила порой для него, так от большой души... Делай всё, чтобы отпереться, вряд ли они найдут настоящие доказательства твоей причастности. Ты работаешь в мастерской, в операциях участвуешь редко, всю переписку Иван сразу сжигает...

— Почему ты говоришь об этом?

— Потому что скоро меня здесь не будет, — Софья вздохнула, — а ты такая упрямая! Попроси отца — вдруг он отпустит тебя в долгое путешествие? Ты ведь дальше Германии не бывала, да и там ничего не видела, кроме заводов и производств.

— Отец скорее отрежет себе руку, чем отпустит меня, — хмыкнула Анна. — Кто заменит меня в нашей рутине?

Софья без особого огорчения пожала плечами. Ее мимолетный порыв уже прошел, и теперь она заинтересовалась тем, что происходило у входа в сад. А там Ольга, облаченная в темные мрачные одежды, подавала милостыню бродяге.

— Одного не могу понять, — тут же заметила Софья, которой всё равно было, строить планы отъезда или перемывать косточки, — как в этой девице совмещаются великая набожность и великая злоба. Все эти старообрядцы наводят на меня ужас — вот-вот вылупят глаза да как проклянут!

— Не воображай, — укорила ее Анна, — Ольга угрюмая, но не злая.

— Милая моя, ты как будто сама росла в дальнем скиту... Как можно так не разбираться в людях? Наша Оля видит дьявола в прогрессе, но правда в том, что дьявол сидит в ней самой.

Анна не нашлась с ответом, она не слишком разбиралась в религии и не была уверена, что готова к подобным диспутам. Она ждала, когда Ольга дойдет до них, а пока просто любовалась золотым сиянием повсюду. Это была лучшая пора осени — теплая и сухая, полная ярких красок и неуловимой нежности. Это была лучшая пора их жизни.

Софья не успела уехать в Рим. Мужланы в синих мундирах пришли за ними уже через неделю.

Когда Прохоров, довольно жмурясь, говорит: «Ну-с, Анна Владимировна, собирайтесь. Съездим с вами в альма-матер...» — она цепенеет.

Императорский университет точных механизмов — это мир, из которого ее вышвырнули. Девочкой она бывала там на лекциях отца, девушкой посещала занятия как вольная слушательница.

— Это нерационально, Григорий Сергеевич, — ровно отвечает она. — Мое появление вызовет ненужную агитацию. Вам нужна информация или цирковое представление?

Анне не хочется повторять сцену, которую она устроила перед допросной, ее саму воротит от собственных нервических приступов, но что делать, если от столкновения с прошлым лоб в лоб ноги слабеют и воздух заканчивается?

Прохоров не торопит, пьет чай в мастерской, чем в очередной раз возмущает старшего механика Голубева.

— Тебе, Гришка, здесь медом намазано? — ворчит он. — Отчего тебе наверху не сидится?

— Там подлец Лыков всякий аппетит отбивает, — жалуется сыщик. — Архаров меня в няньки к нему приставил, вот Борька и беснуется. А я староват уже для того, чтобы меня так люто ненавидели... Да вы берите ватрушку, Анна Владимировна, она свежая.

— А то, что я вас, возможно, тоже люто ненавижу, вам побоку? — спрашивает она, усаживаясь к расчищенному пятаку на чертежном столе. Перед Прохоровым не стыдно показаться грубой и слабой, он уже видел от нее и то, и другое. И судя по всему, ему глубоко безразличны ее чувства.

— Побоку, совершенно побоку, — охотно соглашается Прохоров, — вы, голубушка, нынче всех ненавидите. Вот бы я удивился, коли вы бы вернулись доброй и нежной. Несчастные, они всегда самые обиженные и неблагодарные.

— И горазд ты языком чесать, — Голубев демонстративно поворачивается к ним спиной, склоняясь над кредитным автоматом, должно быть с Лебяжьего. Однако он их не одергивает, позволяя спокойно чаевничать в рабочее время. Анна беспардонно пользуется его попустительством и щедростью Прохорова, насыпает себе сахара, тащит из бумажного пакета ватрушку. Возможно, однажды она сможет позволить себе отказываться от дармового угощения, но это будет не скоро.

Сегодня в ней что-то переменилось — больше не хочется защищаться от Прохорова или бояться его. Он, конечно, много всякого болтает, но отчего-то кажется, что вовсе не со зла.

— Хотя, если подумать, вы правы, — заявляет тот вдруг, — чего я сам в университет потащусь, как мальчишка? Вызовем голубчиков сюда, чин по чину, пусть потрепыхаются.

— Профессоров? В полицию, как преступников? — Анне это кажется настолько диким, что она невольно испытывает жалость к почтенным старцам. Они же там все считают себя пупами земли!

— К нам, душечка, не только мазурики попадают. Да и видится мне, что всю эту нелепость с резонатором задумал вовсе не преподаватель. Скорее всего, его тоже использовали втемную, как нашу Лилечку. Дамочка хоть и врет нам в глаза, а вряд ли сама знает настоящего злодея. Сунули ей червонец, вот и вся недолга. Ох, не нравится мне это дело, до чего дурацкое! А ведь еще на завод Рыбакова надо жандармов отправить, вызнать, кто из тамошних кому серийный номер сейфа передал. Вот и выходит, что сплошная беготня, а ради чего — непонятно.

Прохоров скорее ворчит, чем жалуется на самом деле. Кажется, ему самому интересно, в чем тут тайный замысел. И это неожиданно трогает Анну — до того ей не хочется, чтобы неизвестные злыдни обижали талантливых студентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.